

Елена Макарова ЗАГАДКА ТЕРЕЗИНА В ЧЕТЫРЕХ РАССКАЗАХ

ВСТУПЛЕНИЕ

В последние десятилетия Терезин¹ посещает множество туристов. Разумеется, не архитектура влечет их в серый гарнизонный город в 60-ти км. от Праги, но загадка – каким образом люди, заключенные в промозглые казармы в 1941 – 1945 годах в ходе «окончательного решения еврейского вопроса», не впали в отчаяние от голода и холода, от страха перед депортацией "на восток"? Как сумели они найти в себе силы, чтобы:

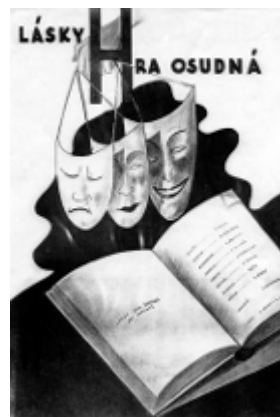
Поставить 621 спектакль,
Сочинить более сотни музыкальных произведений,
Создать тысячи рисунков и картин,
Издать сотни страниц детских иллюстрированных журналов и взрослый – юмористический,
Написать 1000-страничные дневники - хронику событий и размышлений, сотни стихов, пьес, критических статей,
Прочсть свыше 2000 лекций...

К сожалению, о наследии Терезина мы можем судить лишь по тем материалам, которые сохранились в лагере к моменту освобождения его армией маршала Конева 8 мая 1945 г. Часть документов была найдена в Терезине через 20 лет во время капитального ремонта – например, дневник Эгона Редлиха. Обнаружилось и 5000 детских рисунков, сложенных в чемоданы самим педагогом Фридл Дикер-Брандейс – они были переданы в еврейскую общину Праги. А вот пьесы

Карла Швенка, чешского режиссера и актера кабаре, так и не нашлись, видимо, он взял их с собой в Освенцим...

Люди уносили с собой дневники, рисунки, ноты... Иногда, уже на платформе, они спохватывались, вынимали свертки из рюкзака и отдавали на хранение тем, кто оставался в лагере до следующего транспорта. Так случилось с композитором Виктором Ульманном, оставившем связку нот и критических статей. Теперь их читают и исполняют во всем мире. Говоря о Терезине, Виктор Ульманн подчеркивает: «Мы вовсе не сидели сложа руки, не плакали на реках Вавилонских. Наша тяга к культуре была столь же сильной, как и наше желание выжить».

ПРИГЛАШЕНИЕ В ТЕАТР "ПОД ТРУБОЙ"²
ЗДЕНЕК ЕЛИНЕК: ПРОЛОГ К ПОСТАНОВКЕ ПО
ПЬЕСЕ К.ЧАПЕКА «РОКОВЫЕ ИГРЫ ЛЮБВИ»

Афиша:
«Роковые игры любви»

¹ Терезин (чеш. Terezín, до 1918 г. и в годы Второй мировой войны — Терезиенштадт, нем. Theresienstadt) — название бывшей крепости и гарнизонного городка в Чехии. Во время Второй мировой войны в Терезиенштадте было основан транзитный лагерь-гетто, через который прошло около 150 000 человек. Это «еврейское поселение», как его называли нацисты, служило для прикрытия геноцида: перед комиссиями Красного Креста в гетто проводили «приукрашивание», а затем снимали пропагандистский фильм о прекрасной жизни евреев. На самом деле 33 000 з/к умерли в самом гетто и около 88 000 были постепенно депортированы в Освенцим и прочие лагеря смерти. К концу войны в гетто находилось около 17 000 выживших.

² Многие театральные представления, лекции и концерты проходили на чердаках огромных казарм города-крепости, где стояли печные трубы. Мрачная ассоциация об уготованном узникам конце – газовых камерах и крематориях Освенцима-Биркенау – вряд ли могла прийти в голову З. Елинеку. Для маскировки депортаций эсэсовские «специалисты по окончательному решению еврейского вопроса» придумали легенду о «переводе заключенных в улучшенное гетто на востоке». Однако, хотя истина эпизодически просачивалась через заслон лжи, вызывая тревогу и страх перед отправкой «на восток», никто не мог окончательно поверить в существование «фабрик смерти».

Арлекин: Придите, люди милые, придите к нам в театр. Чтоб жизнь нам не подстроила – не сгинем “Под трубой!” Зловредную историю, да ну ее совсем. Мы клином клин повышибем. Поднимем настроение, собравшись под трубой...

Нет чтоб в Китай отправиться – мы здесь, в Терезине... Живем теперь казарменно, работаем как лошади, того гляди, искусство мы забудем навсегда!

Вовеки не бывать тому! Да, вместо залов мраморных зовем вас на чердак... Зайдите – и увидите, что здесь живет театр. Здесь раньше мыши гадили, а нынче вот – спектакль! Мы все тут перестроили – гляди-ка, не зевай! Да, стало поуютнее, но все равно не рай. Сидеть вам не на атласе, да и к чему вам плюш? И в холоде, и в слякоти искусство говорит...

Мы с ветряными мельницами побьемся, посражаемся, звездой сверкать в грязи нам, и щит не запятнать. Вперед идем упрямо, и бури – не помеха нам. Мы держим путь, не дрогнув, до следующей грозы.

Художник беззащитный, он в постоянном бунте, и часто слепо верит, что творчество спасет. Мы остановим жернов, мы выйдем на свободу...

Все это я наговорил вам просто так, чтобы вас развлечь... И отвлечь... Идите же люди, идите к нам, в наш театр "Под трубой"...

(Входит *Капитан*): Вот здесь я должен играть? Нет. Это невозможно. Мало публики, и сцена не годится... А это что – ресторан? О, да тут целое "Меню а ля Терезин"! (*читает*):

Супы: белый – aqua termalis с пузырями; серый – желудочный отвар с мраморными шариками.

Закуски: зевок на хворостинке, три ха-ха в тумане.

Заказные блюда: мушиная лапка на вертеле, грудь комара с начинкой, блошинный соус с козявками, нарисованный кабан (акварель), голубь на крыше собора...

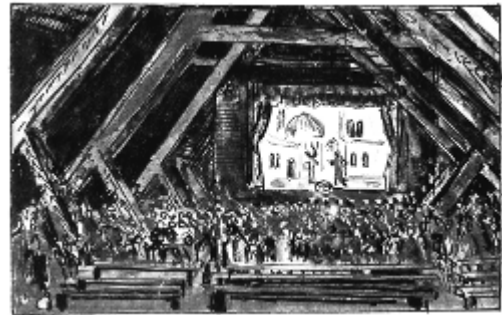
Блюда без заказа: жабье колено в гипсе, рыбы чешуйки с медом, веревочка от свиной колбасы, нежная пощечина с шишкой.

Сладкое: ветер, запеченный в сумерках, ломота в сиропе, сосулька с яблочной начинкой...

Ну вот, аппетит возбужден, пора приступать к еде и начинать представление...¹

Терезинская «театральная газета» – каталог к выставке о терезинском театре в Иерусалиме, 2001

Чердачный театр

Представление во дворе казармы, рис. П.Кина

Обложка 4-й книги о Терезине

¹ Из «Терезинской газеты» «Да здравствует жизнь, или Танец вокруг скелета», посвященной театру и музыке в Терезине. Е.Макарова, «Verba», Иерусалим, 2001.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

ФРИДЛ ДИКЕР-БРАНДЕЙС, ОТ БАУХАУЗА ДО ТЕРЕЗИНА¹

У меня часто возникает ощущение (и вот сейчас тоже), что я пловец, которого сносит диким потоком (я знаю, что умею плавать); на мгновение я подымаю голову над водой, пытаюсь ухватиться за ветку, зацепиться за камень в какой-нибудь заводи и успеть окликнуть пловцов... Однажды меня утопят как дикое, неразумное животное, и мой голос так и не достигнет тех, на другом берегу. Хорошо, что я не строю планов, даже на миг вперед.

Фридл Дикер-Брандейс

Из письма к Анни Моллер-Вотиц, 1922 г.

Маленькая Фридл с отцом и коллаж из ее жизни и творчества. (Из «послежизни»: афиша выставки Ф. Дикер-Брандейс в Париже, 2000. Куратор Е. Макарова)

Фридл росла с отцом. Ее мать, Каролина Фанта, умерла, когда дочери было четыре года. Глазастая, большелобая девочка осталась на попечении сорокачетырехлетнего Шимона Дикера, который торговал канцтоварами. В маленьком магазинчике пахло красками. С малых лет Фридл узнала краски, их цвета и запах. Цветные карандаши, ножницы, бумага и пластилин стали ее игрушками. Разумеется, в магазине нельзя было хватать с полок все подряд, нельзя было пачкать бумагу. Страх испортить дорогую бумагу преследовал ее всю жизнь; потрясающие рисунки углем, сделанные ею на упаковочной бумаге, ныне практически невозможно реставрировать.

Через год после смерти Каролины Шимон женился на Шарлотте Шён. По преданию, Фридл сама

¹ Глава из четвертой книги «Искусство, музыка и театр в Терезине» тетралогии «Крепость над бездной». «Гешарим», Москва-Иерусалим, 2003 – 2008. Подробнее о Ф. Дикер-Брандейс (Вена 1898 – Биркенау, 1944), художнице школы «Баухауз» и педагоге терезинских детей см. в биографическом романе «Фридл» (Е. Макарова, «НЛО», Москва, 2012) (<http://nlobooks.mags.ru/vcd-28-3-837/goodsinfo.html>). Англ. издание: Elena Makarova: Friedl, Dicker-Brandeis, Vienna 1898 - Auschwitz 1944, Tallfellow Press, 1999.

познакомилась с милой тетей в парке и «свела» ее с отцом.

Школа, где училась Фридл, была за углом, и она ходила туда сама. Чтобы к ней не приставали, она выполняла домашние задания и отвечала на все вопросы учительницы.

Она росла самостоятельной и упрямой. Сбегала с уроков, чтобы рисовать на улице или в книжных магазинах, где можно было часами рассматривать репродукции, позже, примкнув к экскурсии, проникала в Музей искусств, на концерты тоже научилась пролезать без билета. Звук скрипки, мазок на холсте, розовый куст, тень от дерева – во всем ей виделась тайна.

К 16 годам Фридл ушла из дому. В том же году получила диплом фотографа. Но дело это ее не увлекло.

...Фотография – схвачен один момент... Это лишь демонстрация того, что, собственно, сказать-то нечего, – отношение человека к среде и самому себе не может быть выражено в одно мгновение².

Фридл хотела стать художником. Сначала она поступила на курсы профессора Франца Чижека, затем в частную школу Иоганнеса Иттена. Пройдя у Чижека сквозь царство «спонтанного самовыражения», она попала в иттеновский мир мистических законов, основанных на логике. Иттеновские штудии пришлись ей по душе. Ее врожденное чувство композиции, перспективы, соотношения света и тени, чувство ритма – всё на занятиях Иттена обрело форму. Анализ работ старых мастеров привел Фридл к пониманию целостности – спонтанность и логика не исключают друг друга, напротив, их единство и есть гармония.

В портрете художник уже делает выбор, возьми, например, портрет боттичеллиевой «Симонетты»³, – это одновременно и архитектура, и скульптура, и портрет, и ландшафт, и символ; к тому же связано с классической мифологией, к тому же отражает точку зрения, отношение к жизни, философию того времени и в своем высшем значении являет нам идеал красоты⁴.

Деятельная и меланхолическая, порывистая и рассудительная, общительная и одинокая, Фридл была воплощением теории Иттена о контрастах:

² Из письма Ф. Дикер-Брандейс к Хильде Котны, 1940. Хильда Анжелини Котны (1909 – 2001), близкая подруга Фридл, химик по профессии. В письмах к ней Фридл суммировала свой жизненный и художественный опыт.

³ Боттичелли, портрет Симонетты (1470), жены Марко Веспуччи.

⁴ Из письма Фридл к Хильде Котны, 1940.

Загадка Терезина в четырех рассказах

«Противоположное являет единство – без света нет тьмы». Говоря это, Иттен особо подчеркивал ритмическую последовательность переходов от света к тьме, градацию черного и белого. Юная Фридл разрывалась между светом и тьмой, «ритмическая последовательность переходов» ею была освоена позже, уже в Баухаузе.

Редкое наслаждение – тихие рабочие дни, – они меня полностью заполняют и одухотворяют... и можно временно не заглядывать в далекое и темное будущее, которое тем темней, чем светлее вокруг...¹

В Баухаузе она становится Мастером.

Оформление журнала «Утопия», сост. И.Иттен, 1920

Директор Баухауза, знаменитый архитектор Вальтер Гропиус, писал о ней впоследствии: «Фройляйн Дикер отличалась редким, необыкновенным художественным дарованием, ее работы постоянно привлекали к себе внимание. Многогранность ее дарования, ее невероятная энергия – вот причины того, что она стала одной из лучших и уже на первом курсе стала преподавать начинающим студентам. Как бывший директор и основатель Баухауза, я с большим интересом слежу за успешным продвижением фройляйн Дикер».

Работая в самых разных материалах и техниках, она стремится *изобразить процесс движения. От плоскости к линии. Мне всегда хотелось самым что ни на есть полным образом передать вещь в ее развитии²*.

В 21-м году Фридл обратилась к евангельской истории рождения Богородицы у пожилой бездетной пары – Анны и Иоакима. Она «пробует» тему «Святой Анны» в разных техниках: в живописи, графике и скульптуре.

...Будь у меня ребенок, я была бы побоевитель, я бы верила – с чем не справилась я, справится

мой ребенок...³

«...Совсем в другом стиле составная скульптурная композиция «Святая Анна» работы Фридл Дикер, – пишет искусствовед Ганс Хильдебрандт. – Фридл Дикер принадлежит к наиболее разносторонним и оригинальным женским талантам современности. Благодаря современнейшему колориту и композиции, работа кажется частью архитектуры. Объединение таких материалов, как никель, черная сталь, бронза, стекло, белый и красный лак, столь же неожиданно, как и сами формы человеческих тел, сконструированные из труб, шаров и конусов. Спонтанность женской природы, которая, вдруг став радикальной, освобождается от всего, что сдерживает ее энергию, ярко выступает в этом произведении, которое куда значительней, чем просто любопытный эксперимент»⁴.

Скульптура «Святая Анна», 1928

Графические и живописные работы из цикла «Святая Анна» разбрелись ныне по разным странам: наброски и коллажи в Швейцарии, пастель в Германии, акварели в Австрии и картина маслом в Израиле. Лишь если собрать их вместе, станет видно, как Фридл «формализует» тему, как «запаковывает» свои страсти в трубчатые конструкции, шары и конусы. Ее ангел бескрыл. Фигуры Марии, Анны и Христа вставлены друг в друга, как в детском конструкторе, который позже будет спроектирован и выполнен в «Ателье Дикер-Зингер» в Вене (1925 – 1931).

«Источник творчества Фридл – невероятное художественное воображение, это видно и в сравнении ее работ иттеновского периода с работами других студентов. Бросаются в глаза уверенность ее графической техники и богатство переходов от белого к самому глубокому черному, насыщенность

¹ Из письма к Анни Вотиц, 1921, Баухауз.

² Из письма к Хильде Котны, 9.12.1940, Гронов.

³ Из письма к Анни Вотиц, 1921, Баухауз.

⁴ H. Hildebrandt, Die Frau als Kuenstlerin (Женщина как художник). Berlin: Rudolf Mosse Buchverlag, 1928.

затененных мест, абсолютное владение светотенью... Но чем вызван этот выбор мрачно-визионерских тем в ее свободных композициях той поры?»¹

Одинокий пловец, уносимый потоком, должен бы думать лишь о том, как бы не утонуть. Фридл смерти не боится, она боится того, что *ее голос не достигнет тех, на другом берегу*.

В искусстве Фридл нет ни борцовского, ни апокалиптического настроения, характерных для художников той поры. При этом она чувствует личную вину и ответственность за то, что творится вокруг. Она вступает в компартию, в 1932 году создает серию антифашистских плакатов-фотоколлажей. В 1934 году во время путча в Вене ее арестовывают.

Освободившись из заключения, Фридл эмигрирует в Прагу. Три картины под общим названием «Допрос», написанные там вскоре после приезда, передают тихую оторопь Фридл перед злом, затесавшимся в мир цветов и облаков и никак не желающим сдавать позиции. Зло ослепляет. Не потому ли на первых двух «Допросах» пусты глазницы вывороченного лица, а толстый слой белой масляной краски выглядит как оплеуха. На клавишах машинки нет букв – они слепы; машинка – хроникер истории – ослепла.

Допрос, 1934

«Фридл говорила, что во время допроса у нее горели уши и что она потела. Это то, что она потом нарисовала на картине, – красные уши»².

Единственный автопортрет Фридл, да и тот – спиной к нам. Четкая линия стрижки – «одним здесь ножницы даны, других здесь будут стричь»³, красное ухо, часть стула почти того же цвета, что платье, в глубине – забеленное окно с алым росчерком.

¹ Г. Хильдебранд, цит. по: Hans M. Wingler, Friedl Dicker-Franz Singer. Каталог выставки (Дармштадт, 1970), с. 7–8.

² Из интервью с Хильдой Анжелини Котны, Генуя, 1993.

³ Из открытки, отправленной Фридл Хильде Котны с транзитного пункта, 16.12.1942.

Выйдя в 36-м году замуж за своего двоюродного брата Павла Брандейса и получив чехословацкое гражданство, Фридл в 1938-м отказывается от визы в Палестину. «Моя миссия – оставаться здесь, во что бы то ни стало»⁴. В Гронове, последнем пристанище на свободе (1938 – 1942), Фридл целиком отдается живописи. За спиной – сотни картин, архитектурных и театральных проектов, годы интенсивной работы с детьми. В 1940 году она отвергает приглашение на свою выставку в Лондоне.

Павел Брандейс

...И хотя моя надежда достигнуть цели слабеет (а цель *совершенно не ясна*), я не хочу ни преподавать, ни заниматься какой-либо деятельностью. Я решила целиком отдаться живописи, чтоб реализовать то малое, чему я научилась. Не заниматься более аллегориями, выражать мир таким, какой он есть, не будучи ни современной, ни несовременной... При страстной любви к Клее я отказываюсь от его приемов – они изломаны своим стремлением к потусторонности... «Детский натюрморт» был моей отчаянной попыткой вырваться... Я видела синий бидон и писала его синим, с чувством, что лечу с четвертого этажа и вот-вот сверну себе шею...⁵

«Потусторонность» имеет свою топологию – это то, что по ту сторону жизни, по ту сторону сознания. Потусторонность – царство мистики. Фридл – «по эту сторону»; она упивается красотой чеснока на разделочной доске, свечением лимона на срезе, сахарницей, похожей на светильник. Почти в каждом письме из Гронова идет отсчет: останется полгода – буду рисовать, останется две недели – успею прочесть книгу... До того как ее «утопят», она еще успеет нарисовать своего мужа Павла и всех друзей, аллею под пологом изумрудных деревьев, разверстые поля, вид с пригорка сквозь корявые стволы деревьев... Свет, цвет, открытые глазу просторы, где гуляет ветер, где все еще можно

⁴ Из письма Валли Нойман, 1938.

⁵ Из письма к Хильде Котны, 1941.

Загадка Терезина в четырех рассказах

дышать...

Жизнь моя – живопись, коей я прилежно и серьезно занималась, вызволила меня из тысячи смертей, – похоже, я искупила вину, не зная, в чем она состоит¹.

В Терезине Фридл отказалась от работы в техническом отделе, куда ее распределили, и последние восемнадцать месяцев жизни провела с детьми.

Педагогом Фридл сделали тяжелое детство, одиночество и непонимание взрослых.

Сегодня мне видится существенным только одно – пробуждать тягу к творчеству, сделать ее привычкой и научить преодолевать трудности, незначительные по сравнению с целью, к которой стремишься...²

Почему взрослые хотят как можно быстрее, в массовом порядке, уподобить себе детей! Но так ли уж мы счастливы и удовлетворены собой?³

Мечта бездетной Фридл о материнстве воплотилась в Терезине, где она стала матерью многим детям.

Рисунок
Лильки
Бобашовой
(15 лет),
Терезин,
1944

«У меня было от нее ощущение как от врача. Что она сама – лечение, сама по себе»⁴. «Дети, с которыми я работала, были в тяжелом душевном состоянии – на их глазах расстреляли родителей. Стоило Фридл лишь «прикоснуться» к ним, и они ожили, расцвели на моих глазах. Я спросила ее, как это вышло. Она ответила: «Они рисовали с удовольствием. Удовольствие пробуждает вкус к жизни»⁵.

¹ Из письма к Хильде Котны, 1942.

² Ф. Дикер-Брандейс. «Детский рисунок». Терезин 1943. См. полный текст в КНБ-2, с. 272 – 283. Педагогическая деятельность Ф. Дикер-Брандейс всесторонне освещена там же, с. 262 – 339.

³ Там же.

⁴ Из письма Ф. Дикер-Брандейс к Хильде Котны, 1940. Хильда Анжелини Котны (1909 – 2001), близкая подруга Фридл, химик по профессии. В письмах к ней Фридл суммировала свой жизненный и художественный опыт.

⁵ Из интервью с Сузанной Дорфлер, Прага, 1997, архив Е.М.

Ф.Дикер-Брандейс. Лицо ребенка. Терезин, 1944

Уроки рисования превратились в терапию.

«Красота – таинственна, – говорила она детям в Терезине. – Красивая вещь – тайна. Неодолимое желание проникнуть в суть вещи может свести с ума. Красота – не слепок, не портрет природы, она в вариациях, в разнообразии. Нет вещей абсолютных и общепринятых. Самые известные явления, самые затверженные слова могут открыться с неожиданной стороны. Нет красоты остановившейся. Дыхание рисунка – в пропусках, в отказе от лишнего... Фридл как-то сказала, что в черном и белом много цветов. Я тогда не поняла ее. Теперь понимаю. Все, что она говорила, возвращается ко мне»⁶.

Сама Фридл в Терезине рисовала не много. Ее рисунки не отражают действительность лагеря, они отражают действительность самой Фридл. А она верна себе. Отдает все свое время и силы детям, а для себя рисует цветы. Нет сил сводить счеты со злом, но есть силы любить то, что злу не подвластно.

... И когда уже невозможно найти в этой жизни смысл, остается одно – любовь. И она настолько чудесна... Так что не печалься, моя дорогая...⁷

8 августа 1944 года Фридл пишет Вилли Гроагу, руководителю детского дома для девочек: *...Сегодня ты помогаешь ребенку не упасть с утеса, а завтра он может разбиться о камень. Конца этому нет... На твой день рождения я желаю тебе всего наилучшего, а главное – длительного и глубокого дыхания, это и есть самое необходимое...*

Через два месяца Фридл уничтожат, лишив дыхания.

Умиравший кричит «воздух, воздух!», забыв о самом главном – чтобы избавиться от страха смерти, перво-наперво нужно дышать...⁸

⁶ Из интервью с Эдной Амит, 1991. Израиль, архив Е.М.

⁷ Из письма к Хильде Котны, 1941.

⁸ Письмо к Анни Моллер-Вотиц, без даты, архив Ю. Адлер.

ВЕЛИКОЕ БЕЗМОЛВИЕ

И я принадлежу, точно раствор или камень, к маленькому зданию жизни.

Фридл Дикер-Брандейс

Из письма к Анни Моллер-Вотиц, 1938

Этот рассказ основан на документах и письмах Фридл. С 1938 года вплоть до депортации в Терезин 15 декабря 1942 года она написала своим подругам Анни и Хильде сотни писем о прочитанных книгах, об искусстве, педагогике, философии. Фридл дорожила каждым днем, отвоеванным у смерти.

ГРОНОВ

Вид Гронова, 1940

В 1938 году Павел заступает на пост главного бухгалтера текстильной фабрики «Шпиглер и сыновья». Они с Фридл поселяются на первом этаже дома № 481 по улице Моравского Братства, напротив железнодорожной станции Гронов.

...Дорогая Анечка!

Здесь спокойно. Все в глубоком снегу. Вчера началась весна. У меня что-то со зрением. Я больше не знаю, как выглядит пейзаж. Но каждый день слышу поющих птиц. Это неопишимо. Когда в семь утра я иду в булочную... я слышу кудахтанье и квохтанье в птичнике. Это так связано с детством, каникулами, счастьем и свободой. Слушая кукареканье петуха, я бы и в свой смертный час не поверила, что в мире творится что-то злое... Эта здешняя жизнь, в ее малости и красоте, мне точно по силам...¹

Фридл гарантирована работа на фабрике. Она уже зарекомендовала себя участием в выставке тканей «Наход-38»², спроектировала для фирмы «Шпиглер» стенд, красиво расположила рулоны тканей. Как представителя фирмы Фридл наградили дипломом и золотой медалью.

¹ Письмо к Анни Моллер-Вотиц, Гронов, 2 марта 1938. Анни Моллер-Вотиц (1900–1945), художница, подруга Фридл с 1916. Юдит Адлер (урожд. Моллер, род.1926), дочь Анни Моллер-Вотиц. Архив Ю. Адлер.

² Выставка проходила в Находе с 19.6 по 21.8.1938.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

...Я сижу у двух свечек, тепло, печка поет свои длинные песни, – пишет Фридл Юдит Адлер в Лондон. – После сотовой поломки отопительной системы, после сотового короткого замыкания все же остались печка для обогрева, и свечки для освещения. Вопреки всему нужно всегда искать, что важнее. И идти на компромисс, «покупая» в придачу к «приятностям» теневые стороны этой жизни... Мне она с ее покоем гораздо приятнее, чем Прага и шум. Будь благословен Гронов. Когда взвешиваешь, как важно относится к неважному, когда «покупаешь» небесмысленно, то не следует так уж привередничать... в этом-то все и дело, в конце концов... Я сейчас упряталась в маленькую картину – рисую ее из окна. Она возникла из крошечного коричневого пятнышка, которое вдруг резко обозначилось на фоне розового и голубого свечения снега (розовый стелется по горизонтали, голубоватый – под углом, а темно-синий – стоймя, вертикально уходит в глубокую тень), и в этой необычайной снежной нежности деревья выходят темными, а густая синева придает близким к нам деревьям темно-коричневый цвет. Но это не выглядит скучно, поскольку коричневый – рядом с фиолетовым, и дымовые трубы того же цвета, только они более объемные, и при этом эти торчки не выпадают из картины, и знаешь почему? А потому, что светло-коричневое и очень элегантное знамя дыма связывает их с вершиной холма, что напротив. Дым разрезает небо светло-серой полосой, – и это является противовесом снегу на первом плане... И так я рисую и рисую, и вдруг спохватываюсь – а куда же запропастилось это маленькое коричневое пятнышко? Его нет...

Ко мне ходит в гости крошечный восьмидесятилетний старичок. На нем старая рабочая, но очень чистенькая голубая блуза. Он очень беден и вынужден просить милостыню (фактически он получает 1 крону в день). И вот он сидит у меня, что-то бормочет беззубо... Когда он думает, что я его рисую, он подбирает отвисшую губу, приводит свое лицо в порядок. Такое симпатичное лицо! С огромными темнокожими ушами и мутно-голубыми глазами. От раза к разу он выглядит все «приличнее», в последний раз, о ужас, он пришел в стоящем колом белом воротничке и галстук с прищепкой, к тому же подстриженный и гладко выбритый. Он у меня пьет кофе или рюмочку водки и рассказывает о своих невзгодах, этого ему не занимать. Боже, когда я буду такой старой, я, наверное, и ползать-то не смогу и буду полной маразматичкой... Еще я учу чешский, при

этом не особенно ломаю себе голову – так что и успехи, увы, соответствующие. Иногда мы ходим гулять, и это так прекрасно, пару раз мы катались при луне на лыжах. Пегги похрустывает снежком, а мы идем тараканьим шагом сквозь тихий лес и великое безмолвие¹.

ПРОТЕКТОРАТ

15 марта 1939 года в «великое безмолвие» вступает армия Гитлера. Все происходит быстро, как в страшном сне. Но нужно пробудиться и понять – нет больше страны «Чехословакия», отныне они живут в «Протекторате» рейха.

Георг Айслер: «Пауль Венграф, преуспевающий торговец искусством, знал Фридл еще по Вене. У него была галерея в Лондоне, «Аркадия». Он приглашал Фридл приехать в Лондон, где он готовил ее выставку. Это была весьма уважаемая галерея, которая вполне могла бы продвинуть Фридл в Англии как художницу-беженку. Но она не приехала... Может, если бы они остались в Праге, в подполье, это бы их спасло... Но в этой деревне она была обречена»².

Воскрешение Лазаря

Лондонская выставка Фридл состоялась в августе 1940. На ней были выставлены цветы, пейзажи, натюрморты, «Воскрешение Лазаря» и одна работа из серии иллюстраций к «Буварю и Пекюше» Флобера. Большинство из этих работ известно нам сегодня лишь по фотографиям.

¹ Письмо к Юдит Адлер, 7.1.1939, Гронов. Архив Ю. Адлер.

² Из интервью с Г. Айслером. Георг Айслер (1928 – 1998) – известный австрийский художник, сын композитора Ганса Айслера. Будучи ребенком, занимался у Фридл в Вене и Праге. Архив Е.М.

ПИСЬМА К ХИЛЬДЕ³

Хильда перечитывает письма Фридл, Генуя, 1993

Если бы у одного человека было две жизни, тогда из одной можно было бы наблюдать другую... Отказавшись от Лондона, Фридл подписывает контракт со смертью. Сроком на пять лет. Из них три года она, насколько позволяют все ухудшающиеся условия, живет полной жизнью. При ней – любимый Павел. Она рисует, читает, думает, пишет письма.

Хильда: «...Фридл решила учить меня искусству. Целые лекции в письмах. С приложением «картинок» и репродукций. Я должна была читать письмо и смотреть на картинку. После чего картинку вернуть. Если собрать эти «лекции» отдельно – выйдет история искусств по Фридл, написанная для таких невежд, как я. Она читала философов томами, и жаловалась, что мало знает. Например, она была без ума от Кьеркегора. Но у меня не было ни времени, ни энтузиазма его изучать. В письмах она постоянно его цитировала. Ее обуревали вопросы, и она читала и читала. К сожалению, я оказалась единственным человеком, с кем она могла говорить все это время».

Моя дорогая Хильда!

...Сегодня я пишу тебе письмо, не живописное, потому что с 5-го числа все серо, туманно, один лишь ветер и летучий снег, не философское, потому что на человека иногда находит столбняк, и даже не человеческое! Главное, я не хочу, чтобы оборвалась нить или чтобы ты не думала, что я не думаю о тебе. Но мне очень грустно и я просто застыла, и, когда я думаю о тебе, моя славная, мужественная девочка, о том, как ты там сидишь одна и старательно и упорно работаешь, мне жаль, что я не могу завести граммофон и поставить для тебя прекрасную увертюру «Леонора» или просто тебя приласкать...

Я теперь не в состоянии писать картины (именно потому, что застыла), но зато нашла в тебе свою публику, т.е. адресата, к которому могу обратиться, когда хочу что-нибудь сказать. Когда ты в следующий раз приедешь, мы будем более обстоятельно беседовать о модернизме. В нем ведь так много предугадано...

³ Немецкие оригиналы писем см. <http://www.makarovainit.com/friedl/hilde.pdf>.

Фридл, около 1940 г.

Как только я отправлю это письмо, начну другое... там пойдет речь обо всех пустяках и мелочах, которые можно насобирать в этой пустыне, в этой красивой пустыне...¹

В эту «красивую пустыню» Хильда часто наезжала: «Никто не знал, что я делала, и никто не знал, куда я ездила. Никто не имел права знать об этом. Но когда мы собирались вместе, мы были так счастливы... Мы постоянно что-то праздновали. Фридл все превращала в театр. Помню Рождество в Гронове... В ту ночь Фридл была в ударе, она всех пыталась нарядить в костюмы, мы еле вырвали из ее рук ножницы – она собиралась из образцов фабрики Шпиглера скроить маскарадные одежды. Потом она схватила катушку с черными нитками, сунула ее себе под нос и произнесла поздравительную речь от имени Гитлера. Мы покатывались со смеху. После этого она заставила всех рисовать углем под звуки ее голоса, она нарочно с такой скоростью меняла высоту и ритм... Наверное, ей было забавно глядеть на нас, размазывающих уголь пальцами по обойной бумаге, – это был какой-то сумасшедший выброс энергии... Фридл забылась, она видела себя в Баухаузе, со студентами... Она стремилась освободить нас от скованности. Мы казались ей заторможенными. И это правда, никто не мог жить полной жизнью в нацистское время, и она чувствовала себя освободителем. И тут я, чтобы перебить «урок», запела: «Цитравели-цитравели»... И Фридл пустилась изображать какого-то маленького человечка, который дирижирует большим симфоническим оркестром... Иногда она бывала ужасно-ужасно веселой»².

Разрешение на «увеселительные» поездки Хильде доставал через гестапо отец, завкафедрой сельскохозяйственных наук в университете в Брно. В 39-м году Хильда уехала в Германию, во Франкфурт,

где получила работу аптекарши. Бывало, она ездила в Протекторат в сопровождении гестаповки. Она была связной не только в антифашистском подполье, но и между всеми друзьями Фридл.

«Фридл очень огорчалась, что ей не пишет Маргит Бушман³. Но Маргит и не могла ей писать в это время. Я ездила к ней в Берлин и даже попала в одну историю. Дело в том, что Маргит (ей удалось скрыть свое еврейство) со своим мужем Хуго Бушманом, немцем, работала в подпольной организации советской разведки «Красная капелла». Группа была арестована, Маргит и Хуго попали в тюрьму гестапо. Мать Маргит, боясь, что ее арестуют и она не выдержит пыток, попросила меня достать ей яду. Я работала провизором у одного нациста и могла это сделать. Чудом Маргит и Хуго вернулись из тюрьмы и нашли свою мать дома мертвой».

Кроме нацистской цензуры, через которую проходят все письма, существует цензура подполья, даже близким – ни слова, под пытками они могут погубить себя и товарищей. Так что Хильда не может рассказать Фридл об этой истории ни в письмах, ни устно.

Хильда помогает своим друзьям-евреям, чьи права ограничены нюрнбергскими законами и расистскими законами Протектората, – снабжает их едой, витаминами, книгами; каждый месяц отправляет посылки депортированным в лагеря. Хильда кооперируется с братом Павла Отто Брандейсом, который работает в еврейской общине Праги по инвентаризации еврейского имущества. Перечень изымаемого обширен; проще было бы назвать то, что не подлежало изъятию. На этой должности Отто продержится до февраля 45-го. Благодаря ему сотни посылок достигли своих адресатов.

Письма Хильды к Фридл не сохранились. Равно как и весь личный архив Фридл, который находился в Ждарках, в семье Йозефа и Власты Книтл. В последнее лето Фридл и Павел свезли в этот тайник «все бумаги». В период массовой депортации евреев из области Градец Кралове Книтлы уничтожили архив.

ВОТ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ

Фридл – Хильде: ... *Иногда уже невозможно найти смысл в этой жизни, остается одно – любовь. И она настолько чудесна... Так что не*

¹ Письмо к Хильде Котны, Гронов, 19.1.1940.

² Из интервью с Х. Анжелини-Котны, 1990, Генуя.

³ Маргит Тери-Адлер (1892 – 1977), художница, подруга Фридл, они вместе учились в Вене у Иттена и в Баухаузе.

Загадка Терезина в четырех рассказах

печалься, моя дорогая. Если бы я смогла воздвигнуть тебе памятник, я бы на нем начертала следующее: «Смотри, вот человек, который живет»...

То, что я в промежутках между письмами все время думаю о тебе, говорю с тобой, представляю себе твою жизнь, раздвигает вокруг нас пространство, как если бы никогда не кончалась сказка «Тысяча одной ночи», – ведь Шахерезада неистощима, как сама жизнь...

Ты дала мне необходимую ясность и покой (одна бы я не справилась), я нашла концы нити, которая поведет меня по лабиринту. Это невозможно в беседе лишь с самим собой. Человеку нужна аудитория...

Благодаря тебе, я вновь обрела способность говорить...

На это у меня прежде не было времени, зато теперь – вот уже целых три года! Когда придет час, вспомни об этой примечательной детали¹.

Хильда: «Все для нас было важным, все! ... Я доставала, с кем-то присылала или сама привозила книги, которые она просила. Наверное, если пройтись по всем письмам, то получится целая библиотека по философии, истории искусства, литературе, естествознанию – это был мой главный интерес – и педагогике»

...Можешь ли ты одолжить для меня Дворжака и Ригля (все равно о чем, потому что там идет речь о методе работы, хорошую историю искусств, соответствующие книги с историческим фоном). ...Прочти «Идеи» Гердера! Я немало дала бы за то, чтобы их получить. ...Достань «Воспитание чувств» Флобера. Есть ли у тебя Кляйст? Я его уже нашла, и, если хочешь, пришлю тебе. ...Страстно благодарю за Гердера! Он прибыл как раз в тот момент, когда я особенно горячо его желала...

...Надеялась послать тебе Дега, но не смогла достать. Посылаю Мане, издание отвратительное, краски плохие, серая бумага... Получила ли ты неудачные серые репродукции Пауля Клее вместе с картиной Руо? ... посылаю Кафку, прочти его. Если у тебя не такое настроение, прочти главу «Собор»² и переправь это Маргит, от которой ничего не слышно³.

АННА СЛАДКОВА⁴

Анна Сладкова: «Она как-то дала мне прочитать «Процесс» Кафки. На меня книга произвела очень гнетущее впечатление, не хотелось дочитывать. Кафка и эта реальность – это было слишком... Она очень любила Клее. Помню, как она расстроилась, когда узнала от Ганса Бекмана, что Клее умер».

1995 год, Наход. На стене в ателье Анны Сладковой акварель – банка с полевыми цветами и ключом. Привет от Фридл из Терезина... «После войны я навещала Лауру Шимкову⁵ и купила у нее эти цветы. Лаура объяснила, что это ключ от комнаты Фридл, что у нее была своя дверь, и это ей было важно – дверь и собственный ключ.

В 40-м году я только вышла замуж. Павел и мой муж Эмиль Тильш, художник, работали вместе на текстильной фабрике. Так мы были приглашены к Фридл и Павлу в гости. Это было в их первом по счету доме. Окна выходили на вокзал, и, увидев приближающийся поезд, можно было выскочить из дому и успеть на него.

Она была маленькая, как ребенок, с большущими глазами, встретила нас радостно, велела проходить в комнату, и комната эта потрясла, зачаровала меня. Я никогда не видела ничего подобного. Мебель очень современная, очень практичная, все было как бы одного габарита. Когда ей нужно было переезжать, то это все можно было легко сложить, перевезти на другое место и там расставить. Мебель, как она объяснила, еще из ателье – Зингер⁶ ее придумал, а она украсила. Уникальный дизайн. Стулья были как ящички, можно

⁴ Анна Сладкова (1917 – 1996), чешская художница, родилась и умерла в Находе. Далее все интервью, архив Е.М.

⁵ Лаура Шимкова (1902 – 1965) и Эльза Шимкова (1898 – 1951), сестры, подруги Фридл. С Лаурой Фридл работала в детском доме девочек L 410.

⁶ Франц Зингер (1896 – 1954), архитектор, возлюбленный и коллега Фридл с 1918. Они вместе учились у Иттена в Вене и в Баухаузе, вместе работали в Берлине над театральными и дизайнерскими проектами. В Вене у них было ателье Дикер-Зингер. Эмигрировал в Лондон в 1935, умер в 1951.

¹ Письмо к Хильде Котны, Гронов, 23.6.1942.

² Письмо к Хильде Котны, Гронов, 19.1.1940.

³ Письмо к Хильде Котны, Гронов.

было сидеть на любой высоте, это как-то очень просто регулировалось. Там было много картин, ее и ее друзей. Оазис покоя...

Когда приезжали гости, мы составляли столы в длину. Тогда, в первый раз, меня все это вместе потрясло – и образ Фридл, и обстановка, это было нечто целое. В темное, зловещее время она была полна энергии, мудрости, дружелюбия – чувства тогда забытые – из другого мира. Она всех вдохновляла, всех, и простых людей и художников.

В этом доме сейчас живет пожилая пара, хозяин работал электриком и познакомился с Фридл, когда она съезжала отсюда, Фридл должна была ему объяснить где какие выключатели. У нее постоянно замыкало электричество...

Она столько рисовала! Даже когда готовила обед, рисовала из окна, чтобы не терять времени. Она любила цветы, и они ей с радостью позировали. Она ходила рисовать далеко, часто вместе со Зденкой Турковой.

Зденка помогала Фридл по хозяйству. Носочки, которые Фридл связала ее дочкам к Рождеству, хранятся у дочери, самой Зденки уже нет на свете. Носочки с вышивкой, в них Фридл насыпала конфеты...

Зденка: «...Как-то мы хотели сделать подарок священнику¹, он переезжал из Гронова в Кутны Горы, так Фридл сказала – скажите, что мне ему нарисовать, и я нарисую. И она вот здесь сидела и рисовала «Вид на Осташ», пастелью, масляные краски были не по карману. Я, не знаю уж зачем, сказала Фридл, что в народе гору Осташ сравнивают с гробом. А она была такая чувствительная, и картина вышла темной. Павел спросил Фридл: «Почему у тебя так черно?»²

ПРЕОБРАЖЕНИЕ БУДНЕЙ

Дорогая Хильда!... Я с таким упорством иду путь, который помог бы привести тебя к искусству. ...Иногда достаточно одного лишь (ничем не мотивированного) преобразования будничного – и ты от созерцания переходишь к видению.

...Из психологических наблюдений: человек видит, скажем, с четвертого этажа лежащий на земле предмет, отливающий коричневым блеском, и он принимает его за осколок керамики; вдруг кто-то говорит ему – смотри-ка, я выбросил кусок жареного шпига и он все еще валяется; и на глазах человека предмет, не имеющий ни формы, ни цвета, ни смысла, преобразается в кусочек жареного шпига.

Пауль собирается заняться столярным делом... Я очень много работаю с обманчивой надеждой – может, удастся писать портреты или

¹ Священник Ян Дус; его сын, тоже священник Ян Дус, живет в Праге.

² Интервью с З.Турковой, 1988 г., Наход, архив Е.М.

еще что-нибудь продать. Может быть, что-нибудь могло бы получиться и в рейхе... Весьма вероятно, что и это невозможно, у людей теперь другие заботы... У меня в работе сразу четыре вещи – одна полностью в моем вкусе, вторая вовсе не выходит, третья – просто безумная, а о последней я вообще не представляю, что может получиться...³

26.4.(1940). Моя дорогая старушка! Не удивляйся, что я так долго молчала. Только сейчас я пишу тебе 16 страниц. Павел в конце этого месяца увольняется (тогда он сразу же перейдет на плотницкую работу, чему очень радуется); у меня это все очень медленно просачивается через много слоев, хорошо подбивается ватой, такая уж я есть... смерть мужа Дивы⁴ меня подкосила...

Анна Сладкова: «Как-то мы пригласили к себе Фридл и Павла на выходные. Обычно мы их приглашали с ночевкой, а сами уходили спать к моей маме... Вышел такой замечательный вечер... Мы говорили открыто обо всем. Нам было ясно, что война проиграна, мы уговаривали друг друга, что все изменится к лучшему, надо продержаться... Там был еще молодой педагог, пианистка, мой муж тоже был музыкант, не только художник, и мой брат, который учился оперному пению. Учитель играл на пианино, все пели, лишь Лаура была грустна.

На следующее утро, когда я пришла домой, там уже все было чисто убрано, очень чисто, Павел пылесосил. Он отозвал меня в сторону и сказал, что мужа Лауры забрали (позже он был убит)».

Фридл: *...На лето мы, вероятно, переедем в деревню [Ждарки], это час отсюда. Я хочу много работать и зимой быть либо здесь, либо в Находе. Возможно, мы снимем только одну комнату, чтобы не было так много хлопот. Теперь у меня в Праге есть картины⁵; я с нетерпением жду, каков будет успех. Насколько ты обжилась, как с твоей работой, доставляет ли она тебе удовлетворение и интерес?*

Пиши в любом случае поскорей и побольше... читай прозу Лессинга. Гердера ты скоро получишь назад...⁶

У КНИТЛОВ

Йозеф Книтл (1988, Ждарки): «Да, тут вот они и жили... Моя жена была поваром у Шпиглеров, от них она иногда приносила еду, и мы делились с

³ Письмо к Хильде, Гронов, 1940

⁴ Лауры Шимковой.

⁵ Фридл через пражских друзей переправила работы для лондонской выставки.

⁶ Письмо к Хильде Котны, Гронов, 26. 4. 1940.

Брандейсами. Потом Шпиглер сбежал, работы не стало. Павел выучился на плотника. Мне помогал – косил, столярничал... С непривычки он сначала то косою порежется, то с лесов свалится. ... А пани его все рисовала. Тихая была такая. Правда, с нами ей было не поговорить – мы с женой два слова знали по-немецки, а она столько же – по-чешски. Еще у них была собачка, не помню, как звали, вот она и ходила с собачкой по горам, с этюдником. А потом, помню, вышел указ, что евреям нельзя держать собак... Они как раз возвращались в Гронов. Я говорю пани, оставьте ее здесь. Нет, прижала к себе песика, и так они и пошли вниз, с горы – Павел, нагруженный как вол, а пани его – с папкой и песиком на руках. Другой раз без собачки приехали. Оказывается, пришлось все же им ее отдать. Подруга забрала, что ездила к ним из Германии. Немка. Но летом им здесь было хорошо. Ягоды собирали, пани «варила варенье», и все к моей жене бегала советоваться, сколько сахару класть... А сахару-то у них и не было...»

С горы сквозь деревья видны холмы, широкая панорама с домиками в подножье, покой, тишина, только ветер свистит без устали, обвеивает хозяйский дом на вершине, Фридл и Павел живут пониже, в хлеву, переоборудованном под жилое помещение.

...Родная моя, какую радость доставляет мне твоя заинтересованность искусством... Это и для меня такая интересная задача – познакомить с искусством человека непосвященного, не рисуящего, к тому же на расстоянии. Ты заставляешь меня упорядочивать разные вещи, и я вижу, сколько мне предстоит исправлять в своем методе преподавания. (А теперь я должна тебя поскорее обнять.)

...В квартире наступил глубокий покой. Между дневной суетой и тихой, тихой ночью вставлена цезура стирки белья. Мать и Павел спят, тикает покой, и я с большим наслаждением снова сажусь за письмо к тебе; время от времени до меня доносится тихое добродушное ворчание Павлова храпа.

...С 1 июня Павел будет работать у одного крестьянина и только осенью начнет столярничать. В деревне, где Павел будет работать, мы сняли домик, состоящий из одной комнаты-хлева для коз (там сейчас четверо очаровательных козлят), сеней, уборной. Если мы не найдем здесь другого жилья, мы переедем осенью в Наход или же в Нойштадт. В домике нам ничего не нужно – там есть все необходимое. Свою мебель мы храним на складе, чтобы не быть связанными...¹

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА

5.9.40 ...Про Сальвадора Дали... Не стоит рассматривать его картины с той точки зрения, повесила ли бы ты их в своей квартире. За себя могу сказать – ни за что на свете. Но наступит время, и они будут висеть в музее вместе с картинами величайших представителей духовной культуры своего времени... И если эти картины не доставляют удовольствия, то дело не в художнике, а во времени, которое он представляет.

...Современность в картинах Сальвадора представлена, например, в изображении рояля с ужасным существом под крышкой, или автомобиля, едущего через разрушенный мост, или женщины с вырезом в теле, служащим пространством для изображения ландшафта, или маленького ребенка в матросском костюме с какими-то нечистотами на голове, или железной дороги у греческой колонны, или коллекции наколотых бабочек на фоне морского пейзажа, – означает 1) созвучность всех этих вещей эстетическому сознанию, 2) полную свободу от всякого стеснения и комплексов...

...В этом смысле Сальвадор – крайний, если не клинический случай... где эстетика является единственной, хотя и не самой надежной защитой от хаоса. Эстетика – последняя инстанция, движущая сила, мотор, способный создавать продукцию, защищающую человека от сил, над которыми он не властен...

...Могу напомнить тебе о нашей собственной любви к обломкам, фрагментам, о том удовольствии, которое мы получаем, покупая ненужный хлам на ярмарках. То же можно сказать о цирке и разнообразных ревью (что до цирка, мне сейчас пришло в голову, что там мы видим клоуна рядом со знаменитостью, и клоун, оказывается, в сто раз талантливей звезды; льва, который послушен человеку...) Все это театр жизни...

Примечание писавшего: возможные ошибки – результат жуткого холода в комнате, пальцев, привыкших к вилам и расчетам... Обращай внимание на содержание, а не на внешний вид, Павел».

У Фридл – авитаминоз сетчатки. Хильда приняла все меры, прислала нужные лекарства, но временами Фридл не может ни читать, ни писать. Павел читает ей вслух и пишет за нее под диктовку.

...Я устала сверх всякой меры. Поэтому отвечу на вопросы коротко. Выражение «импрессионисты» происходит от названия картины «Impression» – впечатление². Позже так стала именоваться группа

² «Impression: soleil levant» – «Впечатление: восход солнца» (1872), картина Клода Моне дала название течению импрессионизма.

¹ Письмо к Хильде Котны, Гронов, 1940.

художников, чьей задачей было передать ощущение, впечатление. Другая группа – экспрессионисты – выражают то, что происходит в них при формальном взгляде на вещи. Оба эти течения, как ты видишь по их названиям, имеют чисто личностную природу, т.е. являются психологически исключительно чистыми и честными... Далее идут футуристы, которые, собственно говоря, то же самое, что и импрессионисты, только они сосредоточены на «объектах» и их динамике, движении. Почти каждая современная картина модерн в той или иной мере кубистична. У сюрреалистов есть своего рода четкая программа, они преимущественно любят изображать нечто психологическое, включая психоаналитические вещи, такие как видения во сне, то есть то, чего не существует в действительности, а также все, что оптически для глаза привлекательно и волнующе – кристаллографию, рентгенологию, звездное небо или увеличение обыкновенных вещей. Они устанавливают связи и контакты с вещами в реальности не совместимыми, переосмысливают их, например, пейзаж с деревьями, на ветвях которых висят тряпки из теста, часы, которые тоже изображены как тряпка, висящая над креслом, и выражают одновременно их отношение ко времени. Однако среди всех этих «истов» слишком мало крупных художников, но слишком много имен... Вместе с тем снова появились «чистые художники», без литературных претензий, но их до смешного мало.

Трагическое время предъявляет к художнику свои требования. Только те, у кого искажено восприятие величины и пропорций, все еще пытаются «создавать мелочи». Но быстро сникают. Их ничегонеделание – это результат отсутствия продуктивной ярости... Кажется, мне удалось выскользнуть из сети, и у меня еще достаточно сил для работы. Видишь мою бодрость в «Авто», видишь, как я решительно настроена.

Дама в авто.
Гронов, 1940

Дама в берете, с алым пятном рта, прислонилась к стеклу автомобиля. Она смотрит вперед, на дорогу, а мы видим то, что остается за ее спиной, мы – свидетели ее прошлого, – улицы, дома с алой крышей, уплывающие в перспективу,

и настоящего – на шее голубой платок, в разрезе голубого пиджака – белая блуза почти того же цвета, что и небо в заднем окне. Экран неба – осколок вечности, ему ничто не угрожает. Дама, отделенная от мира прозрачным стеклом, в приятной задумчивости совершает путешествие в сиреновом авто. Счастливым миг созерцания и неучастия. Будущее – перед колесами машины, оно неведомо нашей даме.

...Прошел еще один день... Я сижу в деревенском замке у керосиновой копилки, сейчас гроза и кругом более глубокий (чуть не написала мир), стало быть, глубокий покой. Ты бы неистовствовала от волшебства здешнего ландшафта... и я смогла бы показать тебе все направления искусства, чтобы прочувствовать, понять лучше, чем написано в этих письмах-руинах, в мыслях-лохмотьях; кроме того, мы собрали вместе ровно за пять минут 6 кг шампиньонов и приготовили блюдо, которое было бы пиком совершенства, если бы кто-нибудь из тех, кого мы любим, мог бы им насладиться вместе с нами...

...Читаю интересную книгу о воспитании... Помню, как я думала в школе, вот вырасту взрослой и буду уберечь своих учеников от неприятных впечатлений, от неуверенности, от отрывочности знаний. Сегодня мне видится существенным только одно – пробуждать тягу к творчеству, сделать ее привычкой и научить преодолевать трудности, незначительные по сравнению с целью, к которой стремишься...

...Мне сейчас очень трудно живется! Я кажусь себе зверем в клетке и так себя и веду. Это такие приступы, но они проходят. Надеюсь, что я не совершу никакой глупости, хотя у меня именно такое настроение. Я не работаю уже пять месяцев или даже больше... Не знаю, что будет дальше с нашей квартирой. Опять все отменилось таким же гнусным образом, люди нынче не в цене.

Длинное письмо к тебе я выбросила при подготовке к переезду, в пылу сборов. В нем была масса уточнений к предшествующим, весьма сумбурным письмам. Я спрашиваю себя, будет ли вообще существовать искусство в новом режиме. Жертвы, которых он требует, настолько огромны, настолько непомерны, что, возможно, все это просто исчезнет за ненадобностью...¹

Можно ли приобрести репродукцию (открытку или что-нибудь в этом роде) картины, которую фюрер купил на выставке 1939 года – аллегорическая фигура обнаженной со шлемом?²

9.12.40... Мой отец тяжело болен. Ему

¹ Письмо к Хильде Котны, 1940.

² Письмо к Хильде Котны, 1941.

Загадка Терезина в четырех рассказах

84 года – боюсь, что с учетом всей сложности обстановки я его больше никогда не увижу¹. Мы как бы прошли мимо друг друга, я всегда была настроена против него... моя фантазия увидеть его теперь неуместна, невыполнима... Я так хочу быть с ним, чтобы он знал, как благодарна я ему и как буду благодарна, если доживу... Мне никто не будет благодарен. Постарайся родить ребенка...

ВТОРОЙ ПЕРЕЕЗД. ФЕВРАЛЬ 1941 ГОДА

Павел: «... Из нашей квартиры мы переехали в маленькую комнату с кухней в соседнем доме. Этот факт не имел бы такого значения, но обстоятельства и условия, при которых мы об этом узнали, и сама форма переговоров были столь унижительны, что мы уже неделю не можем прийти в себя... Несмотря на неприятности (горе, убожество, нужда), мы не унываем и не малодушничаем, лишь настроение несколько испорчено. Есть ли известия от Маргит? Фридл очень нервничает. Забудь, что Фридл тебе не ответила, напиши ей вне очереди. Если тебе уже невозможно приехать в Прагу или сюда, то мы сами приедем местным, не вместе. Это уже невозможно. Дорога с местными жителями не приносит большой радости, как ты сама можешь догадаться...»²

Уже нельзя выйти без звезды – они выдаются в Градце Кралове³, за ними надо стоять в очереди... Павел привез «комплект» с подробной инструкцией по нашивке на одежду. Уже нельзя ездить в вагоне с местным населением, только в последнем, особом. И за покупками – только в определенный час и с определенными талонами. Теперь их «спасает» провинция – простые люди, с их добротой и бесстрашием.

Лидия Гольцнерова: «Люди нам очень помогали. В Гронове в период Протектората евреи могли жить только в еврейских домах, а у нас был большой дом на Палацке 3, у театра, и мы сдали комнату Лауре. Мне тогда было 11 лет. Я не знала немецкого, и Лаура меня учила по книге, которую написал американский еврей, – «Приключения тети Салли в Америке». В ней рассказывалось, как евреи всего мира поселились вместе, развели коммунизм... Лето мы проводили в маленькой деревне (4–5 домов) на границе с Польшей, там жила Зденка Туркова, которая раньше работала у моего отца. Мы

¹ Шимон Дикер с супругой Шарлоттой депортированы в Терезин 14.7.1942. Шимон умер 13.8.1942, Шарлотта – 19.2.1943.

² Письмо Павла Брандеса Хильде Котны, 13. 2. 1941.

³ Градец Кралове, чешский город в 100 км от Праги.

с Лаурой, Зденкой и Фридл ходили пешком по шесть километров, она останавливалась и рисовала природу. Есть у нее красивая картина «Изба Книтла»⁴.

Зденка Туркова помогает евреям. Йозеф Вавричка, продавец в магазине, готов даром отдавать Фридл вещи, художница Анна Сладкова и ее муж, художник Эмиль Тильш дарят Фридл ее любимые «книжки с картинками»... И еще стал ходить к ним часто Йозеф Дуфек, регент.

Зденка: «Фридл его учила рисовать. Он ей рисунки свои носил, а она исправляла. Все ему исправляла. И критиковала за ставни закрытые, говорила – окно, чтоб смотреть на мир. Сама Фридл ничем никогда окна не прикрывала. Так и жила, в открытую. И у Масарика не было ставень...

Мой муж помогал Фридл и Павлу переезжать, возил их вещи на тачке; их гоняли с места на место, пока в такую дыру не загнали...»⁵

ТРАНСПОРТЫ. ОКТЯБРЬ 1941 ГОДА

В августе 41-го Фридл посылает Хильде инструкцию по кройке и изготовлению кожаного футляра для ключей: Часть, к которой крепится кольцо для ключей, кроится вместе..., сбоку оставь отверстие, через него кольцо с ключами можно будет вытащить за ремешок... В конце подробнейшей инструкции написано: Не пришивай на футляр звезду – с 19-го числа здесь всех евреев заставили носить звезды...

Лизи Дойч депортирована в Лодзь⁶. Эльза⁷ и Лаура пока в Гронове.

...С тем мы и успокоились, по-видимому, еще ненадолго здесь останемся... Первый раз в жизни я по-настоящему потрясена, опустошена и доведена до крайности.

Хильда: «Отто Брандейс помог мне с отправкой посылки в Лодзь. Он работал в синагоге при еврейской общине Праги – с восьми утра до шести вечера он таскал на себе мебель, конфискованную у евреев... Лизи прислала ответ: «Спасибо. Привет мяснику и булочнику. Благодаря всем вам я поправляюсь, уже вешу 36 кг». И подписалась «Элизабрэд», то есть она просила хлеб... Так мы впервые узнали о страшном голоде... А Лизи была сильной, она должна была

⁴ Лидия Гольцнерова (1928 – 1996), интервью Е.М., 1994, Прага. Крестьянин Йозеф Книтл жил на горе на хуторе Зады у деревни Ждарки, близ Находа. Отважный Книтл поселил у себя еврейскую семью; Павел помогал ему по хозяйству, а Фридл рисовала.

⁵ Из интервью 1989 г., Наход, архив Е.М.

⁶ Лодзь, польский город, где во время Второй мировой войны был концлагерь для евреев.

⁷ Эльза Шимкова, сестра Лауры.

выжить...»

...И еще новость – моя золовка [Мария, жена Отто] остается в их квартире, а ее муж [Отто] с дочерью [Эвой] не имеют право жить с ней вместе. Его брат [Бедржих] с женой [Йозефой] и ее матерью тоже подлежат регистрации... У другой моей знакомой тоже муж еврей, у них двое детей, одному из них год, а с собой разрешается брать детей старше двух лет... Что ж, требования, которые предъявляет нам жизнь, мы выполним, в противном случае мы будем сломлены, приговорены – и это мы тоже должны будем вынести...

... Дива сшила мне прекрасное летнее платье, из двух старых. Из-за ужасного холода я не могу пока его надевать, но оно такое славное...

...Что касается твоей комнаты, пришли мне ее план и укажи: где печка, какова глубина окон и дверных проемов, в какую сторону открывается дверь?... Павлу нужна серая шапка. Для прогулок нам не хватает только рюкзака и двух пар шерстяных носков. Кроме этого все есть.

Если бы у нас было еще полгода, было бы совсем хорошо. Как только наведу порядок, буду много рисовать – заполнять невыносимую пустоту... Ах, как я мечтаю напиться с тобой чаю, воды или пива и наестся рыбки... Я смотрю из уединенного окна на черные деревья и мягкие белые крыши... Когда-нибудь придет такое время, когда мы с тобой будем сидеть в тишине и смотреть в окно...¹

Анна Сладкова: «Во втором доме Фридл тоже много рисовала. Всякий раз, как ни приду, вижу уже законченные и только начатые работы...»

Посылаю тебе несколько контакт-копий, их нужно рассматривать через увеличительное стекло: а) для тебя – «негатив» и «позитив» формы силового поля и вьющаяся лента» (не ищи особого смысла, поймешь потом, когда увидишь вещь в цвете); б) влтавский пейзаж, с Вышеграда (к сожалению, переписала по памяти); в) египетский рисунок – в доказательство пространственного мышления: пять портретов девушек перекрывают другие пять, потрясающая вещь!; г) «Резчик по камню» – интересное пространственное мышление, три креста образуют замкнутое пространство, почти что комнату, фигура на первом плане композиционно связана с практически бездонным фоном...²

К счастью, «контакт-копии» сохранились. Так же как и оригиналы первой и второй работы. «Негатив» и «позитив» формы силового поля вырезаны в днище картины, «негатив» – вогнутый, «позитив» – выпуклый. Между ними – проволока, свитая в

прямоугольную форму, по ней «идет ток», она образует полярное по цвету силовое поле, поверх него вьется красно-синяя лента. «Контакт-копии» связаны одной идеей – выражение многослойного, многогранного, многофактурного пространства. Глубина во влтавском пейзаже подчеркнута тонкоствольными деревьями, в египетском рисунке – ритмом перекрывающихся друг друга фигур. Мысль об одновременном существовании в разных пространствах не умозрительна. Вокруг война, они с Павлом в каком-то маленьком городе, в тесной комнате, токи жизни связывают их друг с другом, их жизни переплетены, все вокруг как бы не существует, но оно есть – лишь вынесено пока за пределы композиции...

ПЧЕЛА

Весна 1942-го... Прозрачное небо... Фридл сидит на солнышке с Павловой трубкой в руке... Иногда на нее вдруг нападает желание курить. Вот уже несколько месяцев она не может ни читать, ни рисовать. Болят глаза. Хильда привезла лекарства. Отругала ее за то, что яйца, которые она еле довезла из Брно, Фридл вмешала в масляные краски. Но зато из круп, которыми отец Хильды потчует подопытных крыс, они с Павлом каждый день варят каши.

Отовсюду страшные вести. В Польше, что с ними по соседству (до границы не более десяти километров), происходит нечто кошмарное... А здесь – первая пчела ползет по оконному стеклу, жужжит озабоченно. Весело смотреть, как это глупое создание рвется в стекло, не в открытое окно.

Дорогая Хильда, – диктует Фридл Павлу, – в действительности же я совершенно подавлена, и это выражается в таких «запрещенных», но инстинктивных маленьких радостях, которые отделяют меня от всего мира с его страстями, заботами, самодовольством; одновременно и наказанием и раем являются для меня угрызения совести (а вот и вторая пчела). В данную минуту я абсолютно удалена от всех, и в этом мы схожи с пчелой у оконного стекла, разница лишь в том, что у меня нет выбора, мое сознание усыплено... человек, который не боится, чаще всего поступает правильно: я бы выбрала открытое окно... (вот и она нашла его и улетела)...

Приковыляла больная собачка, Фридл посадила ее себе на колени. Еще я хочу написать тебе о Юленьке. У нее обострение молочницы... Я отварила ромашку. Видела бы ты, с какой

¹ Письмо к Хильде, Гронов, конец 1941.

² Письмо к Хильде, Гронов, 1940.

доверчивостью она расплывается, чтобы я приложила ей тампон, и, выпрямившись вдруг, ласково лижет мне руку. Сейчас краснота уже сошла, но температура еще повышена...¹

– Счастливы люди, живущие не образами, а плотью!

– Это тоже писать?

– Нет... Странно, почему нельзя просто жить, ни в чем и ни в ком не отражаясь? Почему мне постоянно нужен посредник? Как приблизиться к желаемому образу жизни?

– К какому? – спрашивает Павел. – Он берет трубку из рук Фридл, закуривает. – Твоя история напоминает мне гиперболу. Она бесконечно приближается к оси. Хозяин идет, а собака бежит в ту точку, где хозяин в эту секунду находится. Но хозяин успевает уйти вперед. Так они никогда и не сойдутся.

– Это как романы Кафки... Не хватает только сил и зрения, чтобы это воспроизвести, и нет настроения, побуждающего творить... А линия может быть любой – прерывистой, дрожащей, уверенной и четкой, и все равно собака не догонит хозяина! Как же я запуталась, Павел... Мне нужно работать, и это избавит меня от мрачных фантазий... Я вспомнила сон, про Хильду, это, пожалуйста, напиши ей, будто мы ехали по железной дороге, скрылись от всех, от краха, опять были вместе, блуждали по какому-то готическому городу, это было какое-то озарение, вспышка молнии, как на распятии Брегеля, – вокруг нас звучали песни гитлерюгенда, потом мы оказались в поезде... и ужасно смеялись над твоей безумной элегантностью...²

– Давай-ка я припишу ей что-нибудь веселое: «Фридл своими руками заштопала мои брюки. Это приводит в экстаз. Для этого я специально сидел на диете – у нее не хватало ниток. Теперь я строен и нравлюсь ей еще пуще. Приезжай, убедишься сама. Павел».

Весна 42-го... В Праге Адела Брандейсова³ собирает старшего сына Бедржиха с женой Йозефой на транспорт... Уж лучше бы ехала с ними, было бы спокойней... Бедржих и Йозефа будут отправлены блиц-транспортом из Терезина в Избицу, Йозефа погибнет там, а Бедржих, через три месяца, в Майданеке. Через месяц Аделу депортируют в Терезин, где она уже не найдет сына со снохой. В октябре 1942-го из Терезина Адела будет депортирована в Треблинку – сразу по приходу в лагерь транспорт будет отправлен в газовую камеру.

¹ Письмо к Хильде, Ждарки, апрель 1942.

² Там же.

³ Адела Брандейсова – мать Павла.

ИТОГИ

Накануне дня рождения Фридл пишет Хильде очередное «итоговое» письмо. ...Если человеку дан один день – он должен его прожить... В слове «прожить» – и полнота осмысления, и внезапные озарения, «как на распятии Брегеля». Фридл не переносит «застойных» состояний. Вечером, борясь с усталостью, она подводит черту дню. Писала ли она дневники?

29.7.42

Все, что ты придумываешь на тему религии, ад и прочие ужасы, для меня не существует... То, что ты говоришь о форме жизни (Иисус и апостолы), – она вовсе не такая, как ты себе ее рисуешь... Они не жили на необитаемом острове... (Мастер Экхарт: чистая созерцательность есть эгоизм.) Впрочем, каждый из нас живет на том острове, на котором хочет...

Форма совместного существования учеников Иисуса базируется на тех же принципах, которые и мы считаем правильными, но не исходит только из одного правила. (Жить по правилам, как ты это описываешь, – это скорее монашество). Люби ближнего своего как самого себя, не меряй разными аршинами... – вот принцип поведения верующего. Но если веруя, ты все же сомневаешься, поступай по велению совести. (Пожалуйста, не раздражайся словом «милосердие», оно нормальное, вовсе не «сверхчеловеческое».)

Свод этических правил необходим, их содержание человеку знать важно... «Форма» выражения может быть разной, она не статична – как не статичен сам человек.

Огромное спасибо за бланки [для отправки посылок в лагерь], по ним мы регулярно посылаем Лизи. Писать ленивица не пишет... Если хочешь, мы пошлем Лизи за тебя парочку веселых страниц, пусть повеселится...

...В свое время мне так хотелось быть в курсе всего...Но я разрывалась между работой за кусок хлеба, уроками, беготней, живописью и личной жизнью...⁴

Фридл если и жалеет о чем-нибудь, то о непрочитанных книгах и мыслях, которые, может быть, и не удастся додумать до конца. Раньше она была слишком занята работой. Половину из того, что она делала, можно было и не делать – все разрушено, люди покинули «интерьеры» с ее гардинами и обивками... Иногда ее посещает уж совсем безумная мысль: если бы ей сейчас запретили держать краски, карандаши и бумагу, как запретили держать собачку Юленьку, считала бы она свою жизнь исчерпанной, не имеющей

⁴ Письмо Хильде Котны из Ждарок, лето 1942.

смысла? Или пока она жива – жив и смысл?

Павел поедет, вероятно, на несколько дней в Прагу...

В Праге Павел помогает Отто с письмами и посылками, они распродали все, что у них было – на хлеб, консервы, сахар...

ПО ЭТУ СТОРОНУ

Теперь время не для уточнений, а для обобщений... лучшего ждать не приходится...

Фридл пытается объяснить с Хильдой по поводу центральных и периферийных идей, отделить центральные – жизнь, смерть, Бог, любовь – от периферийных – коммунизм, социальное равенство, партия...

...Они говорят, что человеку дана одна жизнь. Для того чтобы умереть. Так давайте же умрем за Правое Дело! ... И это сопровождается такими ужасающими последствиями, как в мире Гойи, неслыханным количеством жертв... – считать осколки – не слишком плодотворное занятие, но я их считаю...

У нас не было никакой возможности подтвердить практикой наши порывы... Это был именно порыв, и мы всё принимали на веру, лишь бы не утратить энтузиазм ... Мы делали Дело и старались особенно не углубляться, чтобы не отпугнуть друзей... вопрос «культы личности» заключается не только в самой этой личности, но и в нас, прикрывшихся лозунгами и лицемерием. В конце концов, стало невозможным иметь личное мнение. И вот результат – мы потеряли направление... То, что трудно для одного, гораздо легче переносится всем человечеством, хотя трудности переносит каждый человек в отдельности, – поэтому один произвол следует за другим...

...Моя «мания преследования» заключается в том, что я боюсь обмануть друзей, которые мне доверяют, или быть застигнутой ими врасплох... ты призываешь меня к ответу, но сомнения охватывают меня с такой силой...– проще столкнуться с предстоящими трудностями, чем сделать выбор... Зачем человеку верить в рай?...пока мне помогает рисование и пребывание на свежем воздухе... Человек ищет какую-то инстанцию, которая была бы неподкупна и отвечала самым высоким требованиям. Для этого человеку и нужен Бог! ...Но если ты и в этом сомневаешься, поступай по велению совести...

Ни один человек не имеет преимуществ над другим, ни одна нация – над другой. Невозможно использовать в качестве меры что-то такое, что произвольно меняется... Я верю, что конструкции в отдельности могут быть правильными, и в тех

областях, где выше точность, выше успех. Однако объединение этих конструкций в целое неосуществимо, так как никакая конструкция не охватывает полноты сущего... Я чувствую себя голодной ослицей между двумя пучками сена... С другой стороны, в любом месте, где ты находишься, ты можешь делать добро...

Неуклюжие мысли спотыкаются одна о другую, Фридл пишет, плотно заполняя листы, – спорит, негодует, просит прощения.

Жаль, что тебя так рассердило мое письмо. (Эта форма не мной придумана писать 1 и 3 стр. нормально, 2 и 4 поперек. Но сегодня я купила промокашку.)

Посылаю эти несколько слов с письмом, разрешенным властями. Время не пройдет бесследно. Прощай. Не терзайся бессмысленно. Ты ничего не понимаешь¹.

ТРЕТИЙ ПЕРЕЕЗД. СЕНТЯБРЬ 1942 ГОДА

24.9.42

...Нет ли у тебя еще каких-нибудь книг Тротта? Я бы почитала с удовольствием. Павел уже пять дней болеет, упал на доску и ушиб ребра. Но он все еще полон благих намерений. Благодаря ему я еще могу дышать и сохраняю остатки равновесия. Убираю единственную комнату, читаю между делом, стоя как гусь на одной ноге, пока меня совесть не начинает разбирать, потом опять начинаю что-то делать, штопаю, готовлю, дел не так уж много... за последнее время я разобралась со старым хламом, – из-за хозяйства не могу отлучаться от дома, несколько раз удавалось послушать лекции по искусству. Учила английский, но бросила из-за раздражения, нехватки денег и учебников. Много раз бралась за чешский – постоянное чувство, что надо что-то делать, и я делаю, – последние 14 дней мою ступени и двор перед домом, каждый пятый день хожу за покупками... Вижусь с одной приличной женщиной, к сожалению, только раз в неделю.

«Приличная женщина» – это Анна Сладкова. «К третьему переезду, в сентябре 42-го (Гронов, 332), они уже отказались от всей этой чудной мебели, для нее не было места. ... Как здесь все заросло! А какой был прекрасный сад... Как-то я пришла, дверь открыта, а Фридл нет. Ну, думаю, буду ждать. Прождала часа два. А Фридл, оказывается, была в глубине сада, с кем-то там разговаривала. Да, это было незадолго до конца. Тогда она и увидела у меня «Историю искусств», которую я купила, когда мне было 14 лет. Она нашла там что-то, что не помню, и

¹ Письмо Хильде Котны из Гронова 29.7.1942.

Загадка Терезина в четырех рассказах

попросила меня привезти ей эту книгу, когда я к ней поеду. Кажется, ей хотелось что-то оттуда срисовать. Вскоре до меня дошла весть, что Фридл получила повестку на транспорт. Я собиралась к ней и думала, брать книгу с собой или нет. Не самое подходящее время. ... И сделала ошибку – не взяла книгу.

Стоило мне переступить порог, и она спросила: «Вы принесли книгу?» Я была очень огорчена, но было поздно. На следующий день они уехали в Градец Кралове, оттуда – в Терезин. ... Я была уверена, что мы расстанемся ненадолго, что она вернется, столько в ней было сил, воли к жизни, и никакой тревоги за свою собственную судьбу».

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

16 ноября 1942

Моя дорогая девочка!

...Кругом бело, лыжня восхитительна... Одно из очаровательнейших мест, «Пекло» [почешки] означает ад. Хотя все, начиная от прекрасной еды до прелестных горок, не похоже на «пекло». ... По вечерам отважные речи, болтовня и – мгновенное легкое опьянение... У тебя скоро день рождения, желаю тебе всего, что ты заслуживаешь, пусть все будет хорошо. Я тебе опишу все, что тебе достанется от нас в подарок, поскольку не знаю, когда все это случится и как именно... От Павла милый оттиск с эль-грековской «Дамы», от меня Тинторетто и дурацкая, но, как мне кажется, симпатичная брошка, и картина, которую я когда-то начала для Уточки [Лизи]. Ее завершение зависит от яичных белков. Не знаю, может, в итоге лучше пошлю ее отцу; ты, наверное, помнишь – человек с книгой, детская кроватка с ангелочками Рафаэля и Гением парижской Триумфальной арки...

Ты спрашиваешь, что для меня Бог? Едва ли я смогу ответить. Мне мог бы помочь Кьеркегор с его четким определением трех областей – эстетики, этики и лишь затем религии, и Даллага с его спокойной широтой понимания... Для меня Бог 1) некий масштаб, без которого все косо и неопределенно, 2) направление движения, ибо без направления любое движение произвольно и бессмысленно и 3) жажда «милосердия», ибо его недостаток сводит с ума. Не знаю, почему вера моя пошатнулась; может быть, я ставлю Ему в упрек размах нынешних страданий.

Ты правильно почувствовала по последнему письму, что судорога отпустила; в большой мере благодаря тебе – от всей души спасибо. Тем печальнее, что во всех твоих трудностях не находится человека, к которому ты можешь

обратиться, как я к тебе... Твое утверждение, что вера пассивна, мне кажется ложным. Во все времена были воинствующие верующие. То, что вера может сохраняться в пассивности, лишь одна из 100 возможностей, и причина, здесь вероятно, не в этом. М. [Маргит] сама написала о твоём визите. Она, кажется, в уравновешенном состоянии. Я рада.

Комнату Дивы по непонятной злобе не топят, и она три недели не может работать. Как раз сегодня там ставят печку. Слава богу; потому что просто нет слов, какой это был ужас и бесчеловечность. Дорогая моя! напиши ей, хоть она не сразу ответит... человеку нужно время согреться... Ее сестра Фрида сейчас уезжает туда... Фрици¹ с недавнего времени не в Праге.

...С Юленькой все не так просто! Маргит написала о смерти Юленьки, Павел нечаянно распечатал письмо и очень плакал.

Все, что ты пишешь про одиночество, я понимаю слишком хорошо!

...Я тем временем нашла возможность добыть материал для резьбы, надеюсь со следующей недели начать работать. Еще раз пока.

ДЕПОРТАЦИЯ

Йозеф Вавричка: «Как-то раз она пришла ко мне в магазин и говорит: Гитлер приглашает меня на свидание, нет ли у вас чего теплого. Я ей дал серое пальто, теплое и немаркое. Я говорю, не надо мне за это ничего, не надо! А она мне картину принесла «Вид через окно на Марианские Лазни». Такую картину за пальто! А она говорит – я эту картину всего час рисовала, пальто шить дольше»².

Хильда: «Я получила письмо Фридл о депортации и немедленно выехала из Гамбурга. В Берлине я зашла к друзьям и посоветовалась с ними, может, где-то спрятать Фридл и Павла. Они готовы были помочь. Через границу еще можно перебраться, но из-за непрерывных военных досмотров практически невозможно было перевезти Павла на поезде в Берлин. В Праге мне чудом удалось купить гуся. Но как его везти? Отыскался мусорный ящик, в нем я его и привезла. Гусь был очень ценной вещью. Отто своим глазам не верил, когда увидел меня в Гронове с рождественским гусем. Мы так смеялись... И не оттого, что я с гусем, и не оттого, что гусь – в мусорном ящике, а оттого, что все мы опять встретились. Что мы видим друг друга.

¹ Фредерика Хауэр (1900 – 1944), врач, пражская подруга Фридл. 24 октября 1942 была депортирована в Терезин

² Из интервью с Йозефом Вавричкой, 1989, Гронов, архив Е.М.

Последние месяцы Фридл не рисовала. Людей отправляли на транспорт, у нее опускались руки... Отто через общину узнал о судьбе Бедржиха и Йозефы, страшным ударом были сведения об Аделе.

Мы запаковывали и перепакывали все без конца, это выглядело как репетиция к спектаклю, который никогда не состоится. Мы писали списки, то я, то Павел: шарф – 1, фартук – 2, ложка, вилка, бандаж, сухой спирт... На каждого по 50 кг. Павел должен был и в лагере, на работе, выглядеть хорошо. Ему непременно нужны костюм и три белые рубашки. Остальное белье и простыни Фридл покрасила в разные цвета, чтобы меньше была видна грязь. Фридл сразу решила, что простыни понадобятся ей для спектаклей, которые она будет ставить с детьми, например, зеленая простыня будет представлять лес... Она была настроена на одно – работать с детьми, и волновалась, хватит ли на первое время бумаги и карандашей.

...Нужно было обдумать столько мелочей, времени на страх просто не оставалось. Мы уставали и засыпали... Мы шили, и шили, и шили тряпки и другие вещи, которые бы тамгодились. Мы готовили и ели, иногда, ни с того ни с сего, Фридл закатывалась от смеха.

Мы нашли время прочитать часть «Замка» Кафки. Наша беспомощность перед судьбой очень напоминала состояние героя Кафки господина К., который не мог выбраться из кошмарных сновидений.

Отто с Марией приехали помогать. В квартире уже сделали инвентаризацию, так что нельзя было взять что-то другое, но все-таки мы еще меняли вещи, лучшие на худшие. Собиралась и Лаура, она постоянно прибегала советовать, какой материал и какую бумагу лучше взять с собой. Иногда мы выходили на воздух, проветриться... шли гуськом, на расстоянии друг от друга, – мы не имели права быть вместе.

Настал тот день. Я ночевала у нашей общей приятельницы Труды и в четыре утра пришла к Фридл. Фридл лежала на диване в пальто. Она плакала... Тогда она плакала... Она боится меня потерять, как я вернусь в Гамбург под бомбежкой?!

Все это было как взрыв. Мы попрощались в школе, где был сборный пункт. Я пошла на станцию и по дороге сказала себе: я ее больше никогда не увижу... Я стояла на вокзале, не понимая, куда мне теперь – в Прагу, в Брно... Состояние, как под анестезией. Такое прощание нельзя описать...

Так она и стоит в моей памяти донныне – в школе, на первом этаже, в сером пальто, и смотрит на меня. Так смотрят, запоминая».

Последний натюрморт в Терезине, 1944

Из «послежизни»: коллаж серии выставок Фридл в Японии, 2002. Куратор Е.Макарова

РАССКАЗ ВТОРОЙ
ЭГОН РЕДЛИХ
(1916 – 1944)
«БОЛЬШАЯ ТЕНЬ»¹

Семейство Редлихов² проживало в городе Оломоуце, тогдашней столице Моравии. Эгон, пятый по счету и самый младший ребенок в семье, родился в разгар Первой мировой войны. В этот же год умер кайзер Франц Иосиф, предоставивший евреям гражданские права: “Его правление ознаменовало поворотный пункт в еврейской истории Европы”³.

После провозглашения в 1918 году Чехословацкой республики Моравия вошла в состав новой страны. Чешский язык, долгие годы притесняемый немецким, взял верх, но евреи Моравии остались верны “духу великого кайзера” и, в отличие от основного населения Чехии, почитали немецкий за родной язык. В этом отношении дом Редлихов был исключением. Родители Эгона, ассимилированные евреи, переехали в Оломоуц из чешской глубинки и поселились на окраине города, среди *гоев*⁴. Отец Максимилиан держал кондитерскую, и все его заботы были связаны с закупкой и продажей сладостей. “Сладким” было и детство маленького Эгона. Домашние звали его

¹ Из первой книги «Терезинские дневники» тетралогии «Крепость над бездной». «Гешарим», Москва-Иерусалим, 2003 – 2008.

² Из всей семьи выжили двое – отец Эгона Максимилиан и брат Павел, который умер вскоре после войны. Остальные родственники, а также сам Эгон Редлих с женой Герти и сыном Даном, погибли в 1941-1945 гг.

³ Хуго Фридман. “Экскурсия по архитектурным достопримечательностям Терезина”, 1943 г., Яд Вашем, файл 074. Х. Фридман (1904-1944) прибыл из Вены в Терезин в 1942 г., его отношение к кайзеру Францу Иосифу типично для уроженцев Австро-Венгерской монархии. “Давайте надеяться: дух великого кайзера, который незримо присутствует здесь, с нами, в его крепости, не покинет нас в беде, – пишет далее Х.Фридман... - Будем верить в то, что пленение в историческом обиталище Иосифова духа вскорости для всех нас станет историей!”

⁴ Т.е., неевреев.

уменьшительным именем – Гонда⁵. Так это имя за ним и закрепилось. В характере Гонды причудливо переплелись отцовское упорство и целеустремленность с материнской застенчивостью и терпением⁶. Будучи малорослым еврейским мальчиком, он одерживал победу в уличных играх и драках, умел постоять за себя. Страдая сильной близорукостью, он много читал, был отличником в школе и азартным спортсменом.

Буржуазное благополучие иногда порождает природы страстные, амбициозные, знающие, как надо жить другим. Из Гонды вырос вождь сионизма. Поворотным пунктом в становлении его идеологических взглядов стал летний лагерь “Маккаби ха-Цаир”⁷. Там он встретился с Маней Эдельштейн⁸ и сестрами Бергер – Дитой и Стеллой⁹. Под их влиянием он, ранее увлекавшийся коммунизмом, обратился к сионизму.

Из рядовых вожатых Гонда выдвигается в лидеры «Маккаби ха-Цаир». Юные воспитанники с восторгом слушают его лекции об истории еврейского народа. По субботам он для порядка прогуливается с девочками, хотя они несколько его не занимают, – у него есть Стелла, ей он адресует “идейные” письма с налетом юношеской влюбленности.

“Гонда был миниатюрным. Розовые щечки, светлые шелковые волосы, которые он постоянно убирал с высокого лба тыльной стороной ладони, серые, почти прозрачные глаза, глядящие прямо на тебя поверх старомодной оправы. Он умел краснеть как стыдливая девица. Иногда он напоминал маленького принца из сказки, иногда ребенка, изображающего профессора. Поражали в нем контрасты: холодный взгляд – горячее рукопожатие, нелепая одежда – грациозные движения, хрупкое тело – сильные мышцы, стыдливость – и язвительность”¹⁰.

Получив аттестат зрелости, Гонда раздумывает, что делать: податься в Палестину и стать первопроходцем – *халуцником*, или пойти работать к отцу в кондитерскую. В 1935-м, после года колебаний, он принимает решение учиться на юриста.

⁵ Уменьшительная форма, образованная в соответствии с чешской ономастикой: Антон – Тонда, Эгон – Гонда.

⁶ Мать Э.Редлиха умерла в 1941 г., имени ее установить не удалось.

⁷ Сионистская молодежная организация с уклоном в физическое и спортивное воспитание, основанное на социалистических принципах.

⁸ Жена Я.Эдельштейна.

⁹ Дита и Стелла эмигрировали до войны в Данию и оттуда в Палестину.

¹⁰ Вилли Гроаг “О Гонде и его дневнике”, Редлих, стр. 8.

С осени 1939 года *алия* в Палестину была прекращена, но подготовка к ней не утихала. “Не сейчас, так в скором будущем”. Никто из них, юных сионистов, и представить себе не мог, как долго будет продолжаться война, и сколько жизней она унесет.

В конце 1939 года Гонда переезжает в Прагу, где, под прессом оккупации, кипит еврейская жизнь, а эпицентром кипения является дом неподалеку от Карловой площади, ул. На Здеразе, 14. Здесь, в меблированной штаб-квартире сионистской организации “Хе-Халуц”, и поселяется Гонда. С его воцарением меняется и сама атмосфера, – умозрительные размышления, семинары и собрания сменяются практической деятельностью. Гонда организует “школу сионизма”, “Ноар Оле”¹, где он и его друзья изучают и преподают иврит, еврейскую традицию, штудируют Герцля и вместе с тем, как и положено *халуцникам*, проходят трудовую практику в деревнях.

По окончании учебного года он привозит группу “В пути”² в деревню Чермны – работать у крестьянина Янса, приобретать трудовые навыки. Бок о бок с Гондой трудится теперь и его подруга Герти Бек, с которой он познакомился и сошелся в квартире На Здеразе.

“Жизнь в жестком ритме: чтение по-английски, 50 стр. Бёма³, 2 страницы французских слов, час иврита, 10 минут любви”⁴.

Приятель Гонды Вилли Гроаг вспоминает: “В ноябре 1941 года Гонда, поздравляя нас с Маней⁵, пишет: “За что нам эти идиотские, ужасные времена? Чудовищные и невнятные. За что эти резкие, контрастные тени – и пугающе яркий свет? Может, чтобы стереть старые мелочные чувства... и дать возможность новому заполнить образовавшуюся пустоту?”⁶

4 декабря 1941 года из Праги на станцию Богушовицы, что в трех километрах от Терезина,

прибыл поезд. Он привез председателя пражской еврейской общины Якоба Эдельштейна со свитой; Редлих входил в ее число. “Они прибыли в гетто Терезин на обычном поезде. Их не конвоировали, они были с маленькими чемоданами и выглядели обычными туристами. Группа, состоявшая, в основном, из соратников Эдельштейна, была обеспокоена лишь одним – как найти дорогу в Терезин...”⁷.

В Терезине Редлих возглавил Отдел по работе с детьми и молодежью и вошел в комиссию Совета старейшин по составлению списков на транспорты. В “сценарии Терезина”, составленном Эйхманом и Гюнтером и принятом Эдельштейном, о транспортах на восток не было ни слова. Первый же транспорт из Терезина поверг руководство гетто в отчаяние. “Настроение у нас кошмарное, – пишет Редлих 5 января 1942 года. – Готовили транспорт. Работали всю ночь. Мы с Фреди <Хиршем>⁸ добились одного: детей в этом транспорте не будет”.

Обложка 1-й книги тетралогии о Терезине, 2003. В ней впервые на русском языке опубликованы дневники Э.Редлиха и других терезинских узников

С первого января 1942 года Редлих ведет дневник. Он пишет для себя, зная при этом, что дневник обретет истинное значение только в будущем⁹.

“Для Гонды – амбициозного человека с пуританскими взглядами – не было лучшего пути для самовыражения, чем дневник», – говорит Вилли Гроаг во вступительной статье к ивритскому изданию *дневника*¹⁰. Гонда писал на иврите, однако в субботу

⁷ Bondy Ruth. The Elder of the Jews. Jacob Edelstein from Theresienstadt. (“Еврейский староста” – Якоб Эдельштейн из Терезинштатта), New York: Grove Press, 1989, p. 3-4.

⁸ О Фреди Хирше, см. в биографии Редлиха, с. 52.

⁹ Там же – о судьбе дневника Редлиха (примечание 101).

¹⁰ Вилли Гроаг, друг и соратник Эгона Редлиха, родился в 1914 г. В Терезин В.Гроаг работал воспитателем, в 1943 г. сменил В.Фрейда на посту заведующего детского дома девочек L 410, после войны занимался

¹ Ноар Оле (ивр. букв. «Восходящая молодежь») – школа, где молодежь готовили к алие в Палестину.

² “В пути” (ивр. Ба-Дерех) – одна из групп, принадлежавших движению «Ахшары», задачей этого движения была подготовка молодежи к киббуцному движению.

³ Adolf Boehm. “Die zionistische Bewegung (1935-1937)” (“Сионистское движение”, 1935-1937 гг.).

⁴ Эти слова Редлиха без ссылки на источник приводит его друг Вилли Гроаг в предисловии к ивритскому изданию дневника - Редлих, с. 9. Здесь и далее принят сокращенный способ ссылок на часто встречающиеся источники, см. «Источники» в конце книги.

⁵ Свадьба Вилли Гроага и Мани Штейн.

⁶ Редлих, там же.

делал записи по-чешски, чтобы не осквернять праздник. Редлих, знаток еврейской традиции, не мог не знать, что в субботу еврею писать запрещено – на любом языке¹.

Листки отрывного календаря... В них Гонда обращается к своей Бечулке², он ждет ее и раздумывает, когда ей лучше приехать в Терезин: в апреле, когда отменяют пропуска на вход и выход из казарм, или дожидаться, когда перестанут отправлять транспорты... “2.5.1942. Милая, я бы хотел, чтобы ты приехала. Не знаю, мне и самому неясно, правильное ли это решение, но иначе я не могу...”

Герти приезжает 14 сентября 1942 года, в разгар депортации стариков, слепых и сирот. “Милая, милая моя, я так рад, что мы снова, дай нам Бог, будем жить вместе и будем счастливы”, – записывает он в этот день. Семья Редлиха разрастается, приезжает множество родственников, с обеих сторон. Редлих прикладывает все усилия к тому, чтобы никто из них не был отправлен в Польшу. “24.3.1943. Вписали в транспорт и мою тещу. Я ее спас через час после того, как ее записали; я так испугался, когда она пришла ко мне ночью и сказала, что она все еще в списке на транспорт. Друг моего брата принес мне еду, но когда понял, что я не могу спасти его от транспорта, сказал: “Еду взял, и не помог...”

“13.3.1943. Теща моего брата написала домой письмо, полное злости в мой адрес. Не знаю, но думаю, что после войны многие мои знакомые будут обвинять меня в том, что я о них не заботился, не помогал им”.

“9.7.1942. ...Люди надеются на мою помощь. Но каковы мои возможности? Что делать? Похоже, сердце мое очерствело.”

Кажется, одна Бечулка любит его и все ему прощает, хотя и журит за холодность и даже черствость по отношению к “просителям”.

Трудно представить, что человеку, который

репатриацией терезинских детей в Палестину. Благодаря В.Гроагу сохранилось 5000 детских рисунков и множество важнейших документов и произведений. После войны семья Гроагов репатриировались в Эрец Исраэль, где жена Вилли Мария (Маня, Мадла) вскоре умерла от полиомиелита. Всю свою долгую жизнь Вилли провел в кибуце Маанит, где и умер 10 октября 2001 г.

¹ Записи Гонды, сделанные на иврите, нередко грешат стилистическими ошибками и повторами. При переводе дневника, ради документальной точности, мы их не сглаживаем. Ошибки в датах исправлены в соответствии с исследованием, проведенным историком М.Крылем.

² Бечулка – Герти, Гертруда Бекова, жена Э.Редлиха.

возложил на себя ответственность за судьбы стольких людей, всего 25 лет. Сам ли он взвалил на себя эту ношу, или она свалилась на него, он должен нести свое бремя. Гонда работает дни и ночи напролет. Прибыли сироты из Франкфурга, куда их? Два мальчика украли чемоданы, их нужно судить. На собрании преподавателей – ругаться с коммунистами: дети не знают “Шма-Исраэль”!³

Гонда организует детские дома, тщательно отбирает воспитателей, инспектирует работу, разрешает конфликты, насаждает иврит, отменяет празднование Рождества и вмняет справление еврейских праздников, присутствует на детских спектаклях, аплодирует незамысловатой детской сказочке, разыгранной на самодельной сцене, пробует себя в драматургии, пишет пьесу “Большая тень”, присутствует на открытии выставки в детском доме девочек, – от его взора не уходит ни одна история, – он понимает, что терезинский опыт послужит в будущем материалом для обширного исследования по психологии, социологии, праву.

Свое педагогическое кредо Гонда формулирует в лекции «Об образовании (три принципа обучения молодежи)», которую он читает на семинаре педагогов в июле 1943 года.

«Наша ситуация напоминает состояние пловца, пытающегося достичь берега во время шторма. Результаты собственных усилий он сможет оценить лишь когда, оказавшись на берегу, взглянет в лицо бушующей стихии, с которой он только что сражался не на жизнь, а на смерть».

Точно так же сейчас невозможно оценить результаты нашей работы – куда проще говорить о задачах. В какой степени они будут выполнены, мы поймем позже.

Работу с молодежью, которую нам поручает руководство гетто, уместно разделить на три пункта:

Первое: борьба за улучшение условий жизни детей. В нормальной жизни родители сами решают, что ребенку можно позволить, а что нельзя; здесь же выбор делает коллектив, который вынужден в чем-то отказать детям, дабы обеспечить их самыми необходимыми вещами. Наша действительность такова, что мы не в состоянии полностью удовлетворить все потребности... Отдел по работе с детьми и молодежью стоит на стороне детей, борется за лучшие условия, жилье, еду, гигиену.

Второе: выбор воспитателя. Это, пожалуй, самая трудная задача. Во всех наших детских домах воспитателю приходится быть одновременно и

---

³ Основная молитва в иудейской литургии.

учителем, и врачом-гигиенистом, и, до определенной степени, отцом и матерью... Таких универсальных воспитателей довольно мало. Истинная любовь и вдохновение – на вес золота. И отдых воспитателя – на вес золота. Он же выматывается до потери сознания. Воспитатель не имеет права хоронить свою творческую волю на кладбище бюрократических инструкций, но при этом обязан быть дисциплинированным и служить примером как детям, так и взрослым.

Здесь мы подходим к самой важной проблеме, к задачам самого воспитателя. Миссия, возложенная на воспитателя в гетто, ответственнее, чем в обычной жизни. Здесь, под натиском трудностей, мораль становится относительной и необязательной. Воспитатель должен этому противостоять. И шаблонные фразы здесь не помогут – ему необходимо завоевать доверие детей: ведь наши дети не слишком доверчивы, во всяком случае, они отличаются от тех, кто живет нормальной жизнью. Здесь общение воспитателя с детьми не может сводиться к паре уроков в школе. Он живет вместе с ними, между учителем и учениками исчезает дистанция, ребенок перестает идеализировать воспитателя. С другой стороны, под напором трудностей ребенок ищет опору и гораздо теснее сближается с воспитателем, что дает преподавателю большой шанс.

Помню, как однажды, еще на воле, я, уходя с футбольного матча, увидел в толпе плачущего ребенка, потерянного, затолканного толпой. Я вызволил его из этого кошмара, он был мне так благодарен, что никак не хотел со мной расставаться. В Терезине я часто вспоминаю об этом случае. Наш, терезинский ребенок затерян и затолкан в огромной толпе, как в буквальном, так и в переносном смысле.

У воспитателей нет возможности проводить систематические занятия. Занятия запрещены, и тут кроется труднейшая задача для воспитателя: дать ребенку в руки книгу, чтобы он сам читал и расширял свой кругозор.

Многие наши воспитанники достигли возраста полового созревания, когда закладываются основы. Хороший воспитатель способен откорректировать ошибки предыдущих поколений – тех поколений, которые наивно думали, что несколько десятков лет призрачной свободы снимут с них груз тысячелетней еврейской судьбы. Тех поколений, которые, замкнувшись в кругу семьи, взирали со стороны на еврейские проблемы, относясь к ним невероятно безответственно. Если воспитателю удастся побороть эту ограниченность, подвести ребенка и юношу к осознанию того, что жизнь это не шаблон, вырезанный по образцу одной семьи, что жизнь одиночки неотделима от жизни народа, от судьбы всего

человечества, что платонических рассуждений о социальной справедливости недостаточно, за нее надо бороться, – вот тогда мы будем довольны результатами нашей работы. Но судить об этом мы сможем лишь позднее».

Гонда полагается на будущее – оно рассудит. И при этом неустанно вопрошает. Кого? Себя? Совет Старейшин? Человечество? Создателя?

Умению правильно ставить вопрос учит еврейская традиция. Но как применить это учение здесь, где сама ситуация неправильная? Ведь никто не спрашивает, зачем отправлять на смерть ни в чем не повинных людей, спрашивают, кого отправлять?!

“Не подходим ли мы к последней черте?” – вот первый по счету вопрос в дневнике, он задан Гондой во время отправки первого транспорта в Польшу и одновременно с этим – вынесения смертного приговора еврейским юношам за нелегальную переписку. Вопросы риторические как правило, ответа не имеют. Но и конкретные вопросы – тоже.

“Кого освобождать от транспорта? Молодых? Стариков?”

“Куда девать тех, кто придет? На чердаки? Но что будет зимой, когда будет еще холодней?”

Время! Редлих постоянно жалуется на его нехватку, оно идет, летит, бежит, несется, плывет, уплывает... При этом он успевает писать пьесы, изучать Талмуд, брать уроки арабского, хотя и дается он ему с трудом, читать литературу на иврите, выступать с лекциями, решать конфликты между сионистами, коммунистами и чешскими патриотами, заседать в суде по делам несовершеннолетних, работать в саду и даже играть в футбол. Семейная жизнь радует его, хотя и отнимает время от учебы.

Почти целых шесть месяцев Редлихи утаивают Бечулькину беременность, но вот “преступление” раскрыто, Гонду вызывают к начальству и заставляют подписать бумагу, где он дает согласие на “убийство своего ребенка”. К счастью, этого не происходит. Благодаря тому, что еврейский врач спас при родах немецкую роженицу, нацисты разрешили нескольким женщинам родить.

16 марта 1944 года у Редлихов рождается сын – Дан Петр Бек. С этого дня Редлих ведет два дневника, свой и Дана; по-чешски он больше не пишет.

“Желание документировать, запечатлеть – дань гимназической традиции довоенной Европы, – пишет В.Гроаг. – Истории о семьях, разлученных волею судьбы, повторяются в различных вариациях

Загадка Терезина в четырех рассказах

и напоминают Гонде сюжеты древнегреческих трагедий. Так, например, К. Р.¹ танцует перед немцами, чтобы спасти свою мать – "сюжет для пьесы", похоронная процессия выходит в ночь – "только в пьесу". Истории из каждодневной жизни гетто часто начинаются со слов "История N.", будто они предназначены когда-нибудь стать "историями внутри истории" как в «Декамероне» Бокаччо.²

"Хочу написать пьесу на следующую тему: проблема человека, который против своей воли был избран для выполнения определенной задачи. Он оказывается в ситуации, в которой вынужден делать нечто противоречащее его мировоззрению для того, чтобы спасти несколько человек. Люди считают, что он отрекся от своих идеалов и относится к нему недоброжелательно. Единственный сын, и тот восстает против отца. Но, несмотря на все, человек остается на занимаемом посту".

Пока Гонда собирал материал для будущей пьесы в жанре древнегреческой трагедии, – трагедия писалась сама. В ней Гонде была уготована роль главного героя, "человека, который против своей воли был выбран для выполнения определенной задачи".

Кем выбран?

Для выполнения какой задачи?

Редлих видит себя избранным Творцом для выполнения миссии: спасения своего народа из вековечного плена. Миссия толкает Редлиха на компромиссы, восстанавливает его против своих же друзей и близких – в несчастье и унижении люди не видят дальше своего носа, но Редлих видит – его народ, путем страшных жертв, обретет свободу и Родину: "Может там, в *Эрец Исраэль*³, мы приблизимся к воплощению нашей мечты. Подчеркиваю: приблизимся. Поскольку человек не есть создание совершенное и безупречное".

Провидение Редлиха о еврейском государстве осуществилось. Его вера в Израиль сравнима разве что с верой самого праотца Моисея, и в этом отношении судьбы их сходны, оба вели свой народ в "Землю Обетованную", обоим не суждено было ее увидеть.

¹ Камила Розенбаумова, балерина и актриса, участница постановок театра и кабаре в Терезине. См. запись в дневнике Редлиха от 20.3.1942 г.

² Редлих, с. 10.

³ Эрец Исраэль (ивр.), также просто Эрец – Земля Израиля, возвращение в которую проповедовали сионисты.

Дневник Редлиха – новый литературный жанр. Это – документальная трагедия, в которой герой и автор – одно лицо. Жизнь гетто, выведенная им в дневнике-пьесе, полна нескончаемых драматических конфликтов. Они разрешаются трагической гибелью занятых в пьесе лиц. Роковая сила представлена нацистами. Иногда Редлих называет их просто "они": они решили снять фильм, они хотят, чтобы мы улыбались в камеру, они посылают еще один транспорт туда, где уже и так нечем дышать. Чьи же они посланцы? Парки? Сатаны?

Огромное несокрушимое зло – "они". Им противостоит молодой человек, всеми силами борющийся против "них". По условиям жанра борьба эта обречена на провал.

Вилли Гроаг: "Последний раз я встретил Гонду в тот день, когда он получил повестку на транспорт. Он искал меня и обрадовался, что нашел.

Он сказал, что им обещали место в пассажирском вагоне и разрешили взять детскую коляску. Не может быть, чтобы их ждало что-то дурное, если разрешили взять детскую коляску, правда?

Зачем он меня искал? Все годы пребывания в гетто он писал дневник и теперь спрятал его в дамской сумке на чердаке. По окончании войны один из нас заберет дневник из тайника. И еще один наказ – навещать Редлиха-отца в доме для стариков.

Вскоре после войны я уехал в Израиль, не сдержав обещания, данного Гонде. Сумочку с дневником обнаружили чешские строители в 1967 году."

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ